

Безымянный

АНТИМАГ - 1

Владимир Подорога

16+

Владимир Подорога
Безымянный. Антимаг-1

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Подорога В.

Безымянный. Антимаг-1 / В. Подорога — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Это тёмное фэнтези. Здесь вы не найдёте добрых волшебников и мудрых эльфов. Эльфов, впрочем, ни мудрых, ни каких-либо ещё вы не найдёте здесь вовсе. И противостояния Добра и Зла, по крайней мере, с заглавных букв, как в классическом фэнтези, здесь тоже нет. У главного персонажа, от чьего лица ведётся повествование, есть свои цели и средства, которыми он не гнушается для их достижения. Если эти цели покажутся вам достойными, а средства хотя бы приемлемыми – то вы вполне можете счесть его добрым героем. Но это вряд ли. Больше ничего не скажу, так как терпеть не могу спойлеры. Если хотите узнать о чём книга – вам придётся её прочитать.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	12
Глава 3.	20
Глава 4.	32
Глава 5.	40
Глава 6.	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Глава 1.

*Есть вселенная, она очень велика,
возможно, она бесконечна,
возможно, она не одна.
В этой вселенной среди множества других,
есть галактика, она невелика,
ибо есть другие, гораздо большие её.
В этой галактике,
среди сотен миллиардов других звёзд,
есть одна, совсем маленькая,
ибо есть звёзды в сотни раз больше её.
Вокруг этой звезды вращается планета -
песчинка даже на фоне своей звёздной системы.
На этой песчинке живут миллиарды живых существ.
Одно из них – Я.
*Учебник Чёрной Академии «Самоконтроль и
медитация», стр. 41**

Имперский тракт раскинулся бесконечностью в обе стороны. Просёлочная дорога уходила в долину, словно побег от мощного ствола. Там, внизу, помигивая редкими полумоночными огнями, лежал мой конечный пункт назначения. Пограничный Посёлок. Сколько в этом названии: отважные и независимые поселенцы, пограничники-ветераны, набег кочевников, жадный дух молодой Империи. Тьфу. Давно уже не посёлок и ещё дальше не пограничный. Граница Империи пролегла тут три сотни лет назад. Теперь это простой провинциальный городок, задыхающийся в собственной скуке. Мой Император, куда меня занесло?

Позади сухо щёлкнул кнут, раздалась невнятная ругань возницы и топот копыт. Я не обернулся. Есть вещи, которые хочется поскорее забыть. Например, трёхдневная поездка в компании дуры-мамаши, её маленького монстра-сыночка и отца-алкоголика, выдувшего все мои запасы спиртного. И я его понимаю. С такой-то роднёй.

Даже моё присутствие их не охлаждало. Странно, правда? Или нет? Неужели они вели себя скованней, чем обычно? Страшно представить себе эту семейку полностью раскрепощённой. Да ну их к чёрту!

Я пристроил на спине ножны с Исполнителем и прикинул расстояние, которое придётся протопать на своих двух. Три мили с гаком. Причём по размокшей грунтовой дороге. Часа два ходу.

– *Если точно, то три мили и шестьсот пятьдесят метров, – прозвучал в моей голове голос Умника.*

– *А сантиметров сколько? – спросил я.*

– *Это зависит от...*

– *Ой, заткнись, и без тебя тошно.*

Луна уныло выглядывала из соседних луж. Её свет серебрил всё вокруг, пытаясь хоть как-то украсить жалкий пейзаж. Ночная сырость начала заползать под одежду. Спасибо хоть дождь перестал лить. Большая капля шлёпнула мне по макушке, её сестрёнки издевательски забарабанили по земле и лужам. Велик Единный и все его деяния. Кроме этого. Вселенная против меня.

Я достиг города, спустя вечность, преодолев горы грязи и водопады дождя. Город встретил меня храпом из караулки. Маленькое кирпичное здание с приветливо светящимся окном и символом щита на приоткрытой двери. Не церемонясь и оставляя грязные следы, я вошёл внутрь.

Тело в форме легионера лежало на полу и издавало звуки спящей жизни. Густой запах перегара шибанул мне в нос. Точно, караулка. Кроме тела, помещение украшали два стула и большой, на полкомнаты, стол с изрезанной столешницей и остатками пиршества на нём. Недопитая бутылка и треснувший стакан. Простенько, но со вкусом.

Я взял бутылку, понюхал содержимое и поморщился – самогон. Да уж, сего напитка я ещё не отведал, в столице он не в моде. Я собрал волю в кулак и сделал большой глоток. Раскалённая лава прожгла путь по пищеводу и вторглась в истерически завизжавший желудок. Кашляя и вытирая слёзы, я присел на стул.

Тепло распространилось по всему телу, алкоголь и усталость от долгой поездки начали брать своё. Сон, как старый друг, обнял меня за плечи. К чёрту! Я встряхнулся. Не хватало ещё заснуть рядом с этим пьяницей. Прилив злости подбросил меня на ноги. С усталостью нужно что-то делать, неизвестно когда я ещё доберусь до кровати.

Я сосредоточился и вошёл в образ Лекаря. Моё сознание наполнилось его спокойствием и самоуверенностью. Не теряя времени, он проинспектировал тело, обнаружил алкоголь и недовольно поморщился. Я почувствовал волну тепла, прокатившуюся сверху до низа, покалывание в конечностях и непонятное чувство в животе. Лекарь сделал своё дело и молча ушёл. Он не любитель поболтать, в отличие от Умника.

Ну вот, совсем другое дело. Чувствую себя бодрячком.

– Эй, а алкоголь куда делся? – спросил я.

Тишина.

Вот козёл. Ладно, к делу. Перевернув тело ногой, я увидел сержантские нашивки и небритую рожу без признаков интеллекта. Вот и ветеран-пограничник, чтоб его. Придётся приводить в сознание. Хорошая встряска за лацканы, пара ударов по щекам. Мычание и выдох перегара. Всё. Я оглянулся, воды в комнате нет. Ничего, снаружи её хватает. Я взвалил сержанта на плечо и оценил его размеры. Ну и здоровый же лось. Нормальный человек не смог бы его даже с места сдвинуть. Я ухмыльнулся. Иногда приятно быть ненормальным. Иногда.

Толчок ногой, дверь распахнулась наружу, свежий ветер дохнул в лицо. Доблестный охранник Пограничного Посёлка пролетел пару метров и приземлился в ближайшей луже. Холодная вода сделала своё дело. Сержант поворочался в луже, потом встал на четвереньки, открыл глаза и уставился на своё отражение в воде. Его лицо начало принимать осмысленное выражение.

Надо отдать ему должное, легионер пришёл в себя быстро и сразу начал действовать. Взглянул в мою сторону, он оценил ситуацию и с коротким, утробным рыком бросился на меня. Прямо зверь какой-то из южных джунглей. Ну-ну, саблезубый мой.

Я сделал шаг в сторону, дал вояке пролететь мимо меня в караулку и придал ему дополнительное ускорение пинком под зад. Сержант пролетел через всю комнату и врезался в стену с замечательным грохотом. Даже штукатурка с потолка посыпалась.

Он упал на пол в том же месте, где я увидел его вначале, и примерно в том же состоянии. Так. Свою злость я потешил. Но столько усилий без всякого результата. Всё вернулось на круги своя.

Впрочем, нет. Легионер полежал секунд десять и пришёл в сознание. Он попытался встать и одновременно потянулся рукой к поясу. Видимо, за мечом. Меча не было, да и попал он рукой не туда, куда целил, а прямо в расстёгнутую ширинку. Слава Императору, хоть ничего не успел выхватить оттуда. Просто потерял равновесие и опять упал на пол.

Жалкое зрелище. Хотя, если судить по рефлексам, мне всё-таки попался ветеран и сержантские нашивки он получил не за войну с самогоном и формулярами армейской бюрократии. Попробуем по-другому. Я очистил сознание привычным усилием воли, поймал Фокус и направил его в голосовые связки:

– Встать, солдат! Смирррно!

С помощью Голоса я, в своё время, сбивал гонор с очень упрямых людей. На привыкшего к подчинению легионера он подействовал ударом бича. Сержант подскочил, как ужаленный, вытянулся во весь свой немаленький рост, едва не упёршись головой в потолок, вытянул руки по швам и уставился на меня.

Ай да красавец, прям хоть сейчас на парад. Тут он, наконец-то, рассмотрел мои чёрные одежды и его глаза опять начали терять искру жизни. Проклятье, он сейчас в кому впадёт. Я метнулся к столу, налил остатки адской смеси из бутылки и протянул ему:

– Пей!

Он схватил стакан и привычным жестом опрокинул его в глотку. Напиток богов подействовал мгновенно, кровь опять прилила к лицу и сознания он, видимо, больше не потеряет. Хорошо, что мне попался настоящий вояка, без лишнего воображения и умеющий подчиняться приказам. Муштра брала своё. Он вперил в меня мутные, полубезумные глаза и начал чеканить, выпуская в мир слова и запах перегара:

– Разрешите доложить, сержант второго ранга Тринадцатого легиона Вио Рагусе...

– Ма-а-алчать! Совсем охренел! Находишься на посту в нетрезвом виде, да ещё и заснул. Где твоё оружие, солдат?

– Разре...

– Ма-а-алчать! Я судья-исполнитель первого ранга Имперской Чёрной Канцелярии, являюсь прямым свидетелем нарушения тобой параграфов...

– *Сто тринадцать, сто сорок четыре и сто сорок пять, – зазвучал в моей голове заунывный голос Умника.*

...сто тринадцать, сто сорок четыре и сто сорок пять Имперского Военного кодекса. Знаешь, что это значит? Отвечай!

Я сделал максимально зверское лицо и постарался пронзить его суровым взглядом. Он сглотнул и вытянулся ещё сильнее.

– Имеете право судить и приводить приговор в исполнение, нарушение параграфов сто...

– Вижу, знаешь. Оправдывающие или смягчающие обстоятельства есть?

Его лицо окаменело, а глаза приобрели ясность трезвого человека.

– Никак нет, готов понести наказание в полной мере.

Ага, унижаться не будем. Молодец, уважаю. Я прошёлся перед ним туда-сюда, изображая глубокий мыслительный процесс. Легионер стоял молча, без всякого движения, никаких эмоций. Нет, всё-таки люблю я этих вояк, проще с ними как-то.

– В каких кампаниях побывал, награды есть?

– Анезская, Турильская, Поход к восточному побережью, а наград полсумки, да толку с них, что я, девка, цацками обвешиваться?

Ого, Поход к восточному побережью. Авантюра в которой выжил едва ли каждый третий. После неё Император казнил две трети чиновников, ответственных за эту кампанию. Уж очень не любит наш Император выглядеть дураком.

– И как же ты остался в живых? Валялся пьяным и враг тебя не нашёл? Тебе доверили пост, нацепили сержантские нашивки для чего? Позорить свой легион?

Сержант зло усмехнулся:

– Мне всё равно. Что там по этим статьям полагается? Усекновение головы перед строем? Строя не получится, трое нас. Меня, всю жизнь воевавшего за Императора, засунули сюда

стеречь этих баранов. Лучше уж голову с плеч, чем такой позор. Не нужен я больше Империи как солдат, а больше я ничего не умею и не хочу уметь.

Я тоже зло усмехнулся в ответ. Этот оскал я специально перед зеркалом тренировал.

– Идиот. Императору виднее нужен ты ему или нет. Или ты умнее Императора? Не нужен был бы, уже б давно в запас списали. Столица слухами полнится – скоро новая кампания. Соберут ветеранов из таки дыр как эта, дадут им желторотиков на муштру и пойдут опять легионы топтать чужие земли, – глаза легионера блеснули таким огнём, что я чуть не попятился, – А чему ты новобранцев учить будешь? Как правильно блевать с перепоя чтобы не задохнуться? Позор, солдат. Был бы ты бумажным служакой – голова с плеч и Чёрный с тобой, но Императору ты ещё пригодишься...

Ух, как я загнул. Мне бы в ораторы: подымать боевой дух солдат и гражданскую ответственность остальных. Давно заметил, могу так трепаться хоть сутки напролёт, слова сами в глотку лезут. Пропадает во мне очередной талант. Сколько их уже в землю зарыто, хоть кладбище открывай.

Я вышел из караулки минут через пять, прошёл метров тридцать и вернулся назад. Сержант сидел на стуле и полировал тряпочкой неизвестно откуда взявшийся меч.

– Где у вас тут постоялый двор?

– Дальше по улице, три квартала, не пропустите.

Как мало некоторым нужно для счастья: возможность снести несколько чужих голов и сложить свою во славу Империи. Я закрыл дверь и пошёл по лужам, оставленным ночным дождём. Не так уж я ему и соврал. Конечно, никаких слухов о войне и в помине нет. Император любит их начинать неожиданно, но я уверен, что новая бойня не за горами. Слишком уж затянулось мирное время, уже двенадцать лет. Я, в своё время, в Академии, перелопатил горы исторических трудов и знаю, о чём говорю.

Непредсказуемость Императора вошла в поговорку, но он, свет очей наших, очень последовательный политик. А значит, вполне предсказуем. Пока в армии есть ветераны, такие как этот сержант, прошедшие огонь и воду, эта армия непобедима. Но пройдёт ещё два-три года и ветераны или уйдут на пенсию или окончательно сопыются. Останутся вояки, которые кроме муштры, Военного кодекса и полевых учений ничего не видели. Грош цена такой армии. Император понимает это лучше кого бы то ни было. Так что даю максимум год, ну от силы два, и потопает бравый сержант на защиту Империи от нового врага. Подозреваю, что этого врага выбирают бросая кости, для поддержания пресловутой непредсказуемости.

Размышляя о высоких материях, я вообще забыл где нахожусь и очнулся, пройдя приличное расстояние. Такое со мной бывает, учителя в Академии частенько бивали меня по затылку, возвращая из мира грёз в этот, пускай не такой совершенный, зато реальный мир. Правда, некоторые философы считают по-другому. Ну и хрен с ними.

В этот раз от глубоких дум меня отвлекла оживлённая беседа двух юнцов и молоденькой девушки, почти ребёнка. Они о чём-то спорили, иногда переходя на крик. Я напряг слух:

– Пошёл вон, – звук пощёчины разнёсся в ночной тиши и девушка побежала в мою сторону, мелко цокая туфельками.

– Стой, – крикнул схлопотавший по лицу парень и погнался за ней, придерживая рукой шпагу и смешно подпрыгивая на ходу. Ого, дворянин. Второй юнец, происхождением попроще, не спеша, вразвалочку, тоже двинулся в нашу сторону.

Девушка не заметила меня в темноте и попыталась пробежать мимо. Я схватил её за шиворот, приподнял над землёй и поставил справа от себя. Она только тихонько пискнула, как мышонок. Вот такой вот я галантный кавалер. Гнавшийся за ней парень попытался схватить её за плечо, но я стукнул его по руке и отодвинул в сторону, оказавшись между ними.

Наверняка это влюблённая парочка, которая чего-то не поделила, а простоватого вида парень, неспешно идущий к нам – охрана, приставленная заботливыми родителями. Дворянчик снова попытался добраться до девушки и мне пришлось толкнуть его чуть сильнее. Он отлетел метра на два, зацепился ногой за шпагу и растянулся на земле. Я произнёс как можно более спокойным и уверенным тоном:

– Спокойней, молодой человек, вам не к лицу подобная горячность, да и шпага не по размеру.

– Как ты смеешь, плевс! – заорал паренёк и вскочил на ноги.

– Плевс? Я не голубых кровей, но и плевсом меня ещё никто не называл. Ты бы поосторожней с выражениями, а то я перестану делать скидки на твою молодость и надеру тебе задницу по-взрослому.

– Ты заплатишь за свою наглость, простолюдин, – голос дворянчика сорвался на фальцет, а его рука потянулась к клинку. В темноте было плохо видно, но лицо наверняка налилось праведным гневом.

– Не понравилось, что твоей дворянской задницей вытерли мостовую? Надо же, теперь я должен буду заплатить за это кровью? – я хмыкнул, – Не дождёшься, малец, моей крови на всех сопляков Империи не хватит.

Я отодвинул девушку чуть дальше, положил ладонь на рукоять собственного меча и почувствовал, как в недрах подсознания начал пробуждаться Мастер. Сейчас я преподам юнцу урок фехтования. Парень убрал руку от шпаги и сделал шаг назад. Неужели понял, с кем связался? Внезапно он выбросил вперёд правую руку, и я почувствовал искажение реальности, которое всегда сопровождает магическое действие.

Маг! Да ещё какой. Не то, чтобы это что-то значило, но столько силы в таком юнце я не ожидал. Между тем, почти рефлекторно, я поймал Фокус и подавил заклинание, разгладив искажение как мятое одеяло. Маг обалдело уставился на свою руку, словно ожидая, что она расскажет ему в чём дело. Он до сих пор не понял кто перед ним. Я сделал два быстрых шага вперёд и двинул ему под дых. Мальчишка осел на землю как пустой мешок.

– Антимаг, – тихонько выдохнула девушка у меня за спиной.

Я повернулся к ней. Даже в темноте было заметно, как округлились её глаза. Да, детка. Антимаг. Нефари, урод, чёрный ужас, чудовище из твоих снов. Простовато одетый парень, до этого наблюдавший за нами, уже бежал прочь по улице, демонстрируя лучший забег в своей жизни.

А ведь мощь заклинания была огромной. И вряд ли призванной на добрые дела. Да он собирался убить меня. Лишь за то, что я оказался на его пути. Вот она, наша золотая молодёжь. Злость ударила мне в голову, и я с трудом подавил её. Негоже вершить правосудие под влиянием чувств. Я закинул руку за голову, вынул Исполнитель из заплечных ножен и прикоснулся лезвием к скорчившемуся на земле телу.

– Я, судья-исполнитель первого ранга Чёрной Канцелярии, являюсь прямым свидетелем нарушения тобой параграфов...

– *тридцать один, двести три и двести двадцать восемь*, – бубнил Умник и я вторил ему.

...Гражданского Кодекса. Властью данной мне Императором и согласно Гражданскому Кодексу я накладываю на тебя Безмолвие.

Я очистил сознание от лишних мыслей и эмоций. Моя воля сфокусировалась в фантомное подобие Исполнителя. Всё это моё воображение, но я почти физически почувствовал, как призрачный клинок врезался в бьющуюся жилку искажения, которую носят в себе все люди. Ну, почти все, кроме таких как я. Парень извивался на земле, стучал по ней руками и ногами, безмолвно открывал и закрывал рот, словно рыба на берегу. Вот и всё. Я исправил искажение. Неправильность, которой не должно быть. По-моему мнению. По мнению всех остальных

такой неправильностью был я. Я и ещё совсем немного людей, похожих на меня. Людей или нелюдей, как считают многие.

Доберусь я сегодня до трактира или нет? Сколько ещё дождя, грязи, пьяных легионеров и разнузданных юнцов я должен преодолеть? О физической выносливости нефари ходят легенды, и многие из них чистая правда. Но я так же мокну, мёрзну, устаю и мучаюсь от голода, как и все. Хотя и могу это делать дольше других, удовольствия от этого тоже не испытываю.

Я опять погрузился в размышления. Почему я наказал сопляка и пощадил сержанта? И тот и другой заслужили наказание. Потому что сержант мне симпатичен, а юнец оскорбил меня и хотел убить? Да не так уж и симпатичен мне сержант, и он тоже бросался на меня как полоумный. А паренька можно оправдать: горячая молодость, кровь ударила в голову и всё такое. Толком не могу сказать.

Сержант перестанет пить и в следующем походе будет полезен. Юнец же слишком легко перешагнул черту. Если бы я его не наказал, в следующий раз он поджарил бы кого-нибудь как кусок мяса. Или уже поджарил, но это сошло ему с рук. Выходит, осуждая кого-то, я следую не букве закона, а интересам Императора? В меня так сильно вбили преданность трону, что я подсознательно выбираю: кто нужен, а кто нет? Не знаю, так ли это и хорошо это или плохо. Таким меня создали в Чёрной Академии.

Улица тянулась и тянулась. Одно- и двухэтажные дома, крытые черепицей, тёмные окна, невысокие заборчики, редкий лай проснувшихся собак. Я приглядывался к каждому дому, боясь пропустить таверну.

Наконец впереди блеснул фонарь, висящий под вывеской. Кровать и пивная кружка. Вот пример понятной и практичной вывески. Сразу ясно – постоялый двор. От нетерпения я даже ускорил шаг и чуть ли не бегом добрался до двери. Закрыто. А чтоб вас, чёртова провинция, в столице ни один трактирщик в здравом уме не закрывается никогда. Я стал дубасить кулаком по двери. Когда я уже начал гадать, кто первым сдаст – моя рука или дверь, открылась заслонка дверного окошка. На меня уставилась пара злобных, поросячьих глазок.

– Чего шумишь, бандит? Приличные люди уже давно спят.

Какой противный и визгливый голос. Я улыбнулся как можно приветливей.

– Вот, вот, любезный. Поскольку я тоже приличный человек, то хочу спать. А ещё очень хочу есть. Открывай дверь, хозяин, принимай постояльца.

– Сейчас вызову стражу, переночуешь в каталажке, там же и поешь. Я по ночам постояльцев не принимаю, приходи утром, – заслонка задвинулась с неприятным визгом, вторя голосу своего хозяина.

А чтоб тебя, свинья, на костре поджарили. Мне тут до рассвета мёрзнуть? Я опять двинул по двери, только на этот раз ногой и в полную силу. Дверь затрещала, но не поддалась. За ней послышалось испуганное копошение. Наверняка трактирщик добрался до сигнальщика, стражи ему захотелось. Не выйдет, баран, сигнальщик магический, такие вещи рядом со мной не работают. Пора представиться.

– Открывай. Я судья-исполнитель первого ранга Чёрной Канцелярии. Клянусь, если ты сейчас не откроешь, я выломаю эту дверь и заставлю тебя ночевать до утра под этим проклятым дождём. И перестань дёргать сигнальщик, он не работает. Я антимаг.

За дверью всё умерло. Ни шороха, ни шёпота. Заслонка отодвинулась, на этот раз без скрипа, словно тоже испугалась. На меня уставилась та же пара глаз, только на этот раз не свинных, а скорее свиных. Испугался, бедняжка. Заслонка задвинулась, и раздался звук отодвигаемого засова.

За дверью оказался невысокий толстячок со свечкой в руке, в белом ночном колпаке, белой ночной рубашке до колен, с бледным лицом и круглыми от страха глазами. Чем-то он напоминал привидение, только те не бывают такими перепуганными, если вообще бывают.

– Доброй ночи, добрый человек, – я отодвинул его в сторону и прошел в таверну.

– Д-д-добр... ай!!! – воск со свечи капнул ему на руку, он дернулся, и тени запрыгали по стенам.

Настроение не очень, почему бы не испортить его кому-то ещё?

– Что это вы, сударь, так испугались при виде представителя власти? Тут происходит что-то незаконное? Доливаем воду в выпивку, обжуливаем клиентов со сдачей, устраиваем незаконные азартные игры, изменяем жене со своими работницами, забываем читать молитву на ночь, поминаем имя Императора всуе?

Он сжался и стал ещё меньше, глаза стали ещё больше, трясущиеся губы пытались что-то сказать, но это больше напоминало звуки перегруженного желудка, а не человеческую речь:

– А-аа-а, гр-р-р, вны...

Я выдержал паузу и насладился его мучениями вдоволь.

– Ладно, любезный. Если вы думаете что я приехал из столицы выяснять, когда ваша мама впервые согрешила с вашим папой, то вы ошибаетесь. От вас мне нужна еда и номер. побыстрее и покачественнее.

Он несколько раз моргнул, глаза приняли прежние свинячьи размеры, а лицо расплылось в угодливой улыбке:

– О-о-ох, господин судья. С превеликим удовольствием, со всем старанием, самое лучшее, что есть у меня, что есть в нашем городе, что есть...

Я прервал его, пока он не дошёл до того, что есть во всей вселенной.

– Надеюсь, у вас есть номер без магических устройств? Предназначенный для антимагов?

Его лицо мгновенно приняло прежнее перепуганное выражение.

– Так, понятно, нарушаем параграф семьдесят пятый, статья восемнадцать, Гражданского кодекса.

Тут, видимо он вспомнил что-то, от чего прямо таки засветился счастьем. Клянусь левым ухом Императора, столько эмоций этот поросёнок не испытывал за весь прошлый год.

– Ни в коем случае, господин судья, ни в коем случае. Наш лучший номер как раз предназначен для этого. То есть его легко переоборудовать, его специально устраивали для этого. Как я мог нарушать? Сейчас я позову служанку, – он развернулся и помчался к лестнице на второй этаж, вереща на ходу:

– Гизель! Гизе-е-ель! Гизель, чёртова девка!

– Ей, любезный, сначала я бы хотел поесть.

– Конечно, конечно, одно мгновение, располагайтесь за любым столом, я сейчас, я быстро, одно мгновение. Гизе-е-ель ... – проявляя чудеса ловкости, он бежал вверх по лестнице, перемахивая через три-четыре ступеньки, балабончик на его колпаке смешно подпрыгивал. Один шлёпанец он потерял ещё до лестницы, второй – на первой же ступеньке, но это не мешало бравому трактирщику выполнять свой долг.

Да уж, если тут будут так же заботиться о каждом клиенте, таверна прославится на всю Империю. Я закрыл входную дверь и в темноте, благо она мне не помеха, выбрал стол поближе к камину. Гизель, надо же. В столице так разве что кошку могут назвать, или собачку. Провинция, что взять.

Я снял плащ, бросил его на стол, уселся на стул и вытянул ноги в сторону камина. От него исходили волны тепла и спокойствия, впервые за много часов я смог расслабиться. Наконец-то произошло хоть что-то хорошее.

Глава 2.

Я проснулся ближе к обеду, что не удивительно, заснул я ближе к утру. Стоило мне встать с кровати, подойти к окну и раздвинуть занавески, как в дверь постучали. Раздался голос хозяйина таверны:

– Господин, вы уже проснулись? Вам что-нибудь угодно?

Интересно, он что, всё это время дежурил под дверью? Я потянулся и зевнул. Пока я спал, небо очистилось от туч, и солнышко одиноко светило в небе. День будет ясным. Я сказал, не оборачиваясь к двери:

– Тазик для умывания, вода, мыло и бритва. Сейчас. Завтрак, или нет, уже обед. Через полчаса. Что-нибудь мясное, вино и фрукты. Вино красное, орлейское. Мою одежду почистили?

– Разумеется, господин судья. Обед принести сюда?

– Нет. Я поем в общем зале.

– Всё будет готово сию минуту.

Трёхэтажная таверна была чуть ли не самым высоким зданием в городе и, вдобавок, стояла на холме. С окна на третьем этаже открывалась великолепная панорама. Панорама великолепная, а городок так себе. Около тысячи жителей, одно и двухэтажные домики, храм и префектура в центре. Ближе к центру – дома побольше и побогаче, дальше – меньше и беднее. Я вздохнул. Ладно, нужно быстрее провести расследование и ходу отсюда.

Скрипнула дверь, я повернулся. На пороге стояла маленькая, худенькая служанка со смешным чепчиком на голове, ведром воды и тазиком в руках.

– Я вот... принесла... хозяин велел... – от страха её язык заплетался.

Я вздохнул ещё раз. В столице нефари тоже боялись, но не так явно. Здесь же я для них чуть ли не сам Чёрный. Как её там зовут?

– Э-э-э, Гизель, не надо меня бояться, служанок я не ем. Тем более таких тощих. Тебя что, хозяин совсем не кормит?

– Ну... нет... то есть кормит, хорошо кормит, – она опустила глаза, словно призналась в чём-то постыдном.

– Ладно, проверю. Поставь тазик на стол и налей в него воды. Бритву и мыло принесла?

– Да, господин, вот, в кармане лежат.

Уже уходя, Гизель остановилась в дверях. Она теребила передник, её взгляд то поднимался на меня, то снова утыкался в пол.

– Хочешь о чём-то спросить?

– Да, господин, – она набралась смелости и выпалила, – а правда, что все кто был рядом с вами, заболевают и умирают?

Я рассмеялся. Маленькая глупышка уже решила, что ей пришёл конец.

– Гизель, если бы это было правдой, то половина ныне живущих жителей Империи лежала бы на кладбищах. Многие рядом с нами чувствуют себя плохо, может болеть голова или расстроиться пищеварение. Если очень долго быть рядом со мной, можно серьёзно заболеть. Но долго – значит полгода, год. За пять минут с тобой ничего не случится. Некоторые люди вообще ничего не чувствуют. А умирали от этого единицы, молния и то чаще убивает.

– Спасибо, господин.

– И принеси мою одежду и обувь.

– Да, господин.

Я умылся и побрился. Гизель принесла мои сапоги, чёрный мундир и плащ судьи-исполнителя. Чёрные плащи носят антимаги и палачи. Правда, палачи одевают их только во время казни. Я сказал служанке, чтобы меня больше не беспокоили, пока сам не спущусь к обеду.

Я лег на кровать. Многие из нас предпочитают делать это сидя, мне больше нравится лёжа. Постепенно, мышца за мышцей, я расслабил всё тело, затем пришёл черёд сознания. Я добился абсолютного покоя и вошел в транс.

Такому фокусу нас обучали на первых курсах Академии, ещё совсем мальчишками. В транс мы могли нагружать свои мышцы, не поднимая тяжестей, оттачивать мастерство фехтования, не беря в руки меч, и многое другое. Всё происходило в подсознании. В этой игре со своей подкоркой я зашёл дальше других антимагов. Намного дальше, чем было позволено.

Минут через десять я открыл глаза и сполз на пол. Натруженные мышцы гудели от напряжения, лицо заливал пот. Пожалуй, сегодня немного перестарался. Я сполоснулся остатками воды, оделся и вышел из номера.

В зале на первом этаже было безлюдно. Большое помещение, десятка два столов, барная стойка, камин, картины на стенах. Совсем не плохо для провинциальной таверны. Столик возле окна был сервирован на одну персону, все остальные пустовали. Я прошёл по залу и сел за него. Через мгновение из кухни вышел хозяин, неся огромный поднос перед собой. Пока он накрывал на стол, я молча разглядывал его. Он также молча расставлял блюда.

Молочный поросёнок целиком, перепёлки под каким-то соусом, куриное филе с ренскими орехами и пряными травами, овощное рагу, фрукты, две бутылки красного орлейского, десятилетней выдержки. Многовато для одной персоны. Я поднял взгляд на него:

– Что, все клиенты узнали о моём приезде и разбежались?

– Господин судья, для меня это честь, – сказал он.

– А другие постояльцы есть?

– Было трое, съехали поутру, – он вздохнул.

– Ладно, я тут не навсегда, не разоришься. Присаживайся, пообедаем вместе, – я приглашающе взмахнул рукой.

– Спасибо, господин, я уже пообедал.

– Судя по твоей фигуре, можешь пообедать ещё раз. Неси ещё одну тарелку.

– Да, господин, – он снова вздохнул и пошёл на кухню за столовыми приборами для себя.

Пока он вяло ковырял тушку перепёлки, я умял половину поросёнка, всё куриное филе, три перепёлки и даже пару раз ковырнул овощное рагу. Никогда не жаловался на плохой аппетит, а последний раз я нормально ел вечность назад. Рагу мне не понравилось, я отодвинул его и отрезал себе ещё кусок поросёнка. Хозяин обалдело смотрел на меня. Не знал? Обмен веществ у меня похлеще, чем у простых людей. Я улыбнулся:

– А скажи-ка мне, хозяин, еда входит в цену постояя?

– Всё входит, кроме вина, – он рассматривал остатки на столе и подсчитывал убытки.

Империял за декаду, минус все клиенты, минус всё, что я съем. Так я точно его разорю. Я достал из поясного кошелька золотую монету в десять империялов, положил на стол и щёлчком отправил её к трактирщику.

– Это за декаду, вряд ли я пробуду здесь дольше.

Он смахнул монету в карман на фартуке и радостно улыбнулся. Ну, наконец-то. Его кислая рожа мне уже надоела. Я взял бутылку вина и налил два бокала до краев.

– Здоровья Императору.

– Здоровья.

Мы выпили и я налил ещё.

– Ваше здоровье.

– Ваше здоровье.

Трактирщик положил себе в тарелку последнюю перепёлку, я доедал поросёнка. Вино его явно расслабило, мысли об убытках развеялись, десять империялов приятно грели живот через фартук. Я налил ещё вина и спросил:

– Что нового в вашем городе?

Он скривил губы:

– А что может быть нового у нас? Ваш приезд, господин, чуть ли не самое интересное событие за последние десять лет.

– А что говорят по поводу моего приезда?

Трактирщик немного помялся, посмотрел на перепёлку в тарелке, словно советуясь с ней, и ответил:

– Честно говоря, мелят всякую чушь. Даже стыдно говорить.

– Ну, ну, продолжайте.

Он оглянул зал, придвинул стул ближе ко мне и полушёпотом начал изливать душу:

– Только вы, господин судья, не подумайте ничего такого. Люди сдуру мелят всякое. Вы сына нашего барона нынче ночью окоротили. Вот люди и думают, что вы приехали магов наших к ногтю прижать, а то уж больно распоясались. Развелось у нас молодежи с магическими способностями – жуть сколько. Балуют много. Вон, Хьюто, сынок баронский, которого вы вчера, того. Так тот загородный дом своего батюшки подчистую спалил. Да и остальная их компания тоже хороша. Как зайдут вечером ко мне, так буянят, магией своей сра.., то есть нехорошей, клиентов мне распугивают. От самих прибылей никаких, а убытков не счесть. Вот люди и думают – хорошо бы было, если б вы их как Хьюто, того, образумили маленько.

– А говоришь ничего интересного. А про Хьюто врут, что я его того, – я улыбнулся, – жив он, только баловать больше не сможет.

– Ну и поделом ему, подлецу. Он у меня, бывало, нагуляет на целое состояние, а за деньгами к батюшке его, благородному Риану, ходить приходилось. А тот как раскричится, зачем, мол, я потакаю его сыну. А как же не потакать-то? Он же меня со свету сжить может, а батенька замнёт всё. Ну, теперь уже не сможет. Спасибо вам, господин. А про то, что вы его окоротили, значит, врут люди? А как же вы это, того, его к ногтю?

– Безмолвие, слышали про такое?

– Как же, как же. Это хорошо, пусть теперь попробует пожить как всё, без всех этих магических подлостей. А то как-то я ему сказал, что, мол, батюшка ваш против, что бы вы ко мне хаживали. Так он меня так приложил об потолок, что я еле кости собрал.

– Прямо так поднял и об потолок? Сам или кто помогал?

– Сам, господин судья, сам. Силён был магически не по годам. Ну, теперь всё, добаловался.

– А кто ещё с Хьюто в компании водится?

– Да много их поразвелось, господин судья. Дженс, сын пекаря Уто, дружок его закадычный. Мирабель, дочка вдовы Камилы, была такой хорошей девочкой, пока не связалась с этими прохвостами. Вено, сын покойного Рамеля. Братья Ноэм и Сладо, те ещё подлецы, правда, я их уже давненько не видел. Рант, Маэл, Гаро, все сопляки, а туда же. Всего их с дюжину будет. Правда, как дом баронский сгорел, уже полгода почитай, то его благородство Риан их здорово отчехвостил. С тех пор они ниже травы, тише воды. Многих я с тех пор и не видел.

– И что, все маги?

– Все как один, господин судья. Будь простыми людьми, много от них вреда и не было бы. Да и сладить с ними проще было бы. А так все боялись. Терпели. Ну, теперь уж, ответят голубчики за все свои проказы.

Я разлил остатки вина из второй бутылки.

– Ладно, любезный, спасибо за обед. Пора мне делами заниматься. Как пройти к префектуре?

– Да в центре города она, как от меня выйдете два квартала влево, а потом направо и прямо, не пропустите.

Я допил вино. Хозяин совсем осоловел от выпитого, бормотал себе что-то под нос и тыкал вилкой несчастную перепёлку. Видимо накладывал на неё Безмолвие, чтоб не баловала.

Солнце припекало, несмотря на позднюю осень. После дождя влажность воздуха поднялась, и мне было жарковато в моей чёрной одежде. Я шагал по улицам Пограничного Посёлка с непроницаемым лицом. Тяжело любить тех, кто тебя ненавидит. Я и не люблю.

Люди молча провожали меня взглядами, все разговоры затихали, многие попросту убежали. Какая-то собака выскочила из-под забора, гавкнула, потом заткнулась и залезла назад. Малец с оттопыренными ушами и рыжей шевелюрой уставился на меня, открыв рот. Молодая женщина выскочила со двора, подхватила его на руки и забежала в дом.

После столицы это мой первый город, больше я нигде не был. Впечатление, честно говоря, неприятное. Я уже как-то привык, что меня сторонятся и недолюбливают за то, что я таким родился. Но подобного ещё не видел. Я что, прокажённый?

Нефари рождались и до создания Империи. Но тогда из них не создавали антимагов, их просто убивали. Сначала ребёнок ничем не отличался от остальных, затем, лет в пять-шесть, начинались странности. Молоко в морозильнике постоянно скисает, хотя местный маг-ремесленник его уже три раза проверял. Мать жалуется на частые головные боли. У здорового и молодого отца случился сердечный приступ. Жизнерадостная старшая сестра взяла и повесилась. Чем дальше, тем хуже. Заканчивалось всегда одинаково – разъярённая толпа врывается в дом и убивала проклятого ребёнка, зачастую, вместе со всеми родственниками.

Так было, пока пять с половиной столетий назад к власти не пришёл Император. О тех событиях в книгах осталось совсем немного. Наверняка, было слишком много неприглядного и историкам приказали это вычеркнуть.

В результате военного путча Иллий Гоус, тогда ещё генерал армии Крайканского княжества, сбросил с трона князя Нойта. Придя к власти, Гоус сразу провёл несколько реформ, в частности, создал Чёрную Академию. Проклятых детей запретили убивать под страхом смертной казни и начали свозить со всего княжества в Академию. Вспыхнуло несколько бунтов, затем гражданская война, соседние государства потянули свои жадные руки к Крайканскому княжеству.

Будущий Император проявил себя хитрым политиком и великолепным полководцем. Подавил бунты, выиграл гражданскую войну и надавал по рукам соседям. Пятнадцать лет длился этот тяжёлый период, а затем появились первые антимаги. Именно с их помощью маленькое княжество превратилось в огромную Империю.

Ненавидимые обществом, преданные только Императору, антимаги поставили на колени всех. До нашего появления всем заправляли маги. Положение в обществе соответствовало уровню магических способностей. На войне основная ставка делалась на магов, простые вояки были лишь подспорьем. Так было везде. Династии магов правили миром, грызлись между собой, сильные пожирали слабых, самые одарённые и беспринципные занимали троны государств.

Иллий Гоус сломал этот порядок. Имперские легионы громили одну армию за другой. Военная подготовка в других странах была гораздо слабее, а маги оказались бессильными перед Стражами, воинами-нефари. Империя захватывала одну страну за другой и росла как на дрожжах. Император чередовал войны с мирными периодами, которые использовал для наведения порядка на завоёванных территориях. Судьи-исполнители, такие как я, железной рукой насаждали имперские законы.

Так продолжалось три столетия, затем другие научились воевать без магии. Экспансия Империи затормозилась, но к тому времени её размеры превышали половину всего Восточного континента. Она стала самым большим государством в мире.

Многое с тех пор изменилось, но только не отношение к нам. В этом я убеждался лично, шагая по залитым солнцем улочкам Пограничного Посёлка. Неприязнь, страх, отвращение,

всё что угодно, кроме хорошего, было в глазах его жителей. Ну и чёрт с вами, вшивые провинциалы. Закончу расследование и уеду в столицу.

Двухэтажное каменное здание префектуры было стандартного имперского образца. Массивный фундамент, ступени перед входом на всю ширину фронтальной стены, колонны, арка входа, имперский герб. Миниатюрная копия здания Совета в Крайкане. Слева от входа на ступеньках сидел вчерашний сержант, только на этот раз он выглядел как новенький империал. Легионер заметил меня, вскочил и вытянулся по стойке смирно.

– Разрешите доложить.

– Разрешаю.

– Ожидаю вас по приказу префекта. Приказано встретить и провести к нему.

– Веди.

Мы вошли в здание, прошли по первому этажу, поднялись по лестнице на второй. Ни одной души.

– У вас тут всегда так пусто?

– Кроме меня, ещё двоих легионеров, префекта, четырёх имперских служащих больше никого и нет. Ну, ещё дюжина вольнонаёмных. Меньше тысячи населения, что взять. А горожане, как узнали о вашем приезде, так с утра сюда носа и не кажут. В штаны понакладывали. Только барон Риан час назад примчался как ошпаренный. С тех пор у префекта и сидит. Вот его кабинет.

Он без стука толкнул дверь и посторонился, пропуская меня. Префекта, видимо, сержант чтит не очень. Я прошёл в кабинет. Легионер закрыл дверь за мной и остался снаружи.

Роскошно обставленный кабинет как-то выбивался из общего представления о Пограничном Посёлке. Да уж, неплохо он тут устроился. На стенах и на полу толстые ковры, завезённые из далекого Йерра – последний писк имперской моды. Камин из красного базальта, золочённый альков с фонтанчиком. Хитанские вазы и статуэтки, окно задрапировано каскадом тяжёлого, золочённого шёлка. Возле окна стоял стол из чёрного дуба.

За столом сидел маленький, худощавый, черноволосый человек, лет сорока, с мелкими чертами лица и крупным, горбатым носом. Такими носами щеголяли все крайканские аристократы, которые пыжились от собственного величия и невероятно древних родословных. Префект, даю мизинец на отсечение. Слева от стола стоял мордатый боров в расфуфыренном костюме и шпагой на боку. Морда у борова была красной, глазки злобно уставились на меня. Видимо, барон Риан, собственной персоной. Я представился:

– Честь имею, господа. Я Никон Кроуд, судья-исполнитель первого ранга Чёрной Канцелярии, – следуя этикету, я чуть поклонился вперёд и прикоснулся пальцами правой руки к полям несуществующей шляпы.

– Честь имею, – маленький горбонос махнул рукой, словно муху отгонял.

– Антимаг, – прорычал боров.

Аристократы. Голубая кровь. У каждого за спиной очередь родовитых предков. Что-то вы, господа, совсем обнаглели. Ничего, сейчас попустит. Я взял за спинку одно из двух кресел возле стены, поставил перед столом и уселся в него. Они молча наблюдали за мной, у барона лицо стало ещё краснее.

– Ты! – боров сделал два шага и навис надо мной, сжимая кулаки.

Я не обратил на него никакого внимания.

– Кто из вас префект Оций?

– Я барон Риан, и ты, грязный антимаг, сегодня ночью искалечил моего сына. Ты, крыса, посмел ...

Я вскочил с кресла, схватил барона одной рукой за кружевной ворот камзола, а другой дал ему увесистую пощёчину. Ноги барона подогнулись и он повис на моей руке. Я подошёл

к двери, таща его за шиворот, как нашкодившего щенка, и выкинул наружу. За дверью стоял сержант с безучастным выражением лица.

– Проведи его к выходу и проследи, чтобы не заходил сюда, пока я не выйду из здания.

– Слушаюсь, – ответил легионер.

Я закрыл дверь. Префект Оций поражённо уставился на меня. Я подошёл к столу и снова сел в кресло.

– Вы не понимаете. Как вы могли так поступить с бароном? Это выходит за рамки...

– Вы имперский префект, я имперский судья. Мы представители власти, он лишь местный вельможа, их привилегии отменили пятьдесят лет назад. По сути, он простой помещик. Слово барон не значит для меня ничего, он ничем не отличается от любого другого гражданина Империи. Хватит о нём. Я прибыл сюда не для того, чтобы обсуждать местную знать и ваши с ней отношения. Ваш отчёт заставил приехать меня сюда.

– Мой отчёт? Какой отчёт, я...

– Каждый квартал вы направляете отчёт в столичную префектуру.

– Я... да, направляю, то есть Нунцио, мой секретарь, я ему поручил. А что там? Это ведь простая...

– Поясню просто. Бюрократическая машина работает чётко. Вы направили отчёт, цифры внесли, проверили. За последние полгода в вашем городе произошло девять исчезновений людей. В девять раз больше чем за предыдущие пять лет. Что происходит?

– Девять? Но... Я слышал, что кто-то там, какие-то два мальчика, может просто отправились на поиски приключений...

– Не два, а девять. Кто-то может более внятно объяснить?

– Нунцио ведёт все записи, я могу послать за ним. Он сейчас в отпуске, у него дом за...

– Господин префект. Я вижу, вы немного ошеломлены моим приездом и не готовы к серьёзному разговору. Сейчас обед, вечером я вернусь. Вся информация о девяти исчезнувших должна быть у вас на столе к шести вечера. Я приехал из столицы не для того чтобы слушать ваши заикания. Я должен провести расследование, составить отчёт и уехать. И вы, и я заинтересованы, чтобы это произошло как можно скорее. До встречи через пять часов.

Я встал с кресла, поставил его на место и вышел. Ничего другого я и не ожидал. Аристократы вырождаются. Конечно, в такой дыре вряд ли можно встретить кого-то при уме. Но, честно говоря, он не далеко ушёл от столичных баранов.

Империя давно превратилась из феодального государства в республику. Но пережитки прошлого тянули вниз. Пятьдесят четыре года назад были отменены привилегии дворянства, тогда начались волнения, чуть не вспыхнула вторая гражданская война. Император снёс пару тысяч буйных голов и всё успокоилось. Мне кажется, что пришло время второй волны реформы. Пора выгнать подобных аристократов с их тёплых мест и поставить туда более адекватных людей. Я уверен, что тот же Нунцио даст сто очков форы этому слизняку.

Я спустился на первый этаж и прошёл к выходу. Всё пространство арки занимала фигура сержанта. Я тронул его за плечо. Он повернулся, увидел меня и отошёл в сторону.

– Тут вас барон дожидается. Пробовал пробраться внутрь, но я не дал.

Барон, до этого стоявший внизу лестницы спиной к нам, повернулся. Я оценил его заплывший левый глаз.

– Ну, калечить, может, и не надо было.

– Следовал вашим указаниям, – легионер ухмыльнулся, – давно уж хотелось, а тут такой случай, грех пропустить.

– Ладно, молодец.

Я спустился вниз. Барон сделал шаг ко мне, положив руку на эфес шпаги.

– Ты грязный проклятый и я вызываю тебя на дуэль.

Да что ж ты никак не успокоишься, а?

– Ваш сын нарушил закон и понёс заслуженное наказание. А дуэли давно запрещены, тем более что я не дворянин. Я государственный служащий.

– Нарушил закон?! Какой закон? Где свидетели, когда был суд, кто признал его виновным? – с его рта брызгали слюни, а лицо приняло совсем уж неестественный багряный оттенок.

– Я свидетель, я судил и признал его виновным. Мне плевать на ваше положение в обществе, количество ваших денег и такое прочее. Вы гражданин Империи, ваш сын гражданин Империи, я судья-исполнитель и исполнил свой долг. А теперь оставьте меня в покое.

Я прошёл мимо него и успел сделать четыре шага, когда услышал окрик сержанта. Честно говоря, я и сам ожидал, что этот боров ударит меня в спину. Я отпрыгнул влево и развернулся лицом к барону. Он как раз протыкал шпагой воздух в том месте, где только что был я. Попался. Очень хотелось врезать засранцу, а тут такая возможность. Не напади он на меня, я бы его не тронул. Но раз уж сам захотел...

Я не вошёл в Образ Мастера и даже не вытянул свой палаш. Зачем? Так было интереснее. Барон самозабвенно махал клинком, пытаясь проткнуть меня. Я порхал вокруг него как мотылёк, то сокращая дистанцию, то разрывая, уходил от его выпадов то вправо, то влево, забегал ему за спину и снова появлялся в поле его зрения.

Сержант присел на ступеньках префектуры и подбадривал меня, отмечая хлопками ладони по колену самые удачные моменты. Префект высунулся из окна своего кабинета, сделал большие глаза и засунулся обратно. Больше никого не было. Жаль, такое представление, а аншлага нет.

Даже для человека, барон двигался медленно, а уж против меня то и подавно. Через пару минут он выдохся и вообще стал похож на спящую улитку. Пора заканчивать. Я пропустил над головой очередной рубящий удар и от души врезал ногой ему в пах. Барон охнул, выронил шпагу, схватился руками за пострадавшее место, упал на колени, затем завалился набок и скрючился на земле в позе зародыша. Я ударил каблуком по его шпаге и сломал клинок у самой гарды. С полминуты я наслаждался его стонами, затем сказал:

– Оскорбление государственного служащего и вооружённое нападение. Параграфы двести три и двести десять Гражданского кодекса. Лет, эдак, на десять исправительных работ потянет. Что скажете в своё оправдание, гражданин Риан?

Он простонал в ответ.

– Очень невнятное оправдание. Но я его учту, – я ткнул носком сапога в его лицо, заставив заткнуться, – а теперь слушай меня внимательно, падаль. Ещё раз встанешь у меня на дороге – будешь проклипать свой день рождения самыми последними словами. Исправительные работы – не самое худшее, что я могу для тебя сделать. Понял?

Снова стон.

Буду считать, что понял. Я поманил сержанта рукой, развернулся и пошёл по улице. Легионер догнал меня шагов через двадцать и пристроился слева. Я бросил на него взгляд, не поворачивая головы. Его лицо расплылось в довольной улыбке, словно коту ведро сметаны перепало.

– Чему радуешься?

– Вы сделали то, что следовало. Местные во главе с бароном совсем обнаглели. Чхать они хотели на имперские законы, живут по своим варварским обычаям. А префект – соплежуй, только и может, что взятки брать да задницу барону до блеска вылизывать.

– А ты на что?

– А что я? Моя задача их охранять. Вот и охраняю.

– Да уж, видел.

Сержант помрачнел.

– Ещё раз меня за таким застанете – рубите голову, хрен с ней.

– Не бойся, отрублю. Второго шанса не дам.

Некоторое время мы шли молча.

– В шесть вечера я вернусь в префектуру. Будь тоже там, ты мне понадобишься. Сейчас можешь идти, – сказал я.

– Слушаюсь, – ответил он, развернулся и пошёл назад.

Глава 3.

До вечера я свободен. Начинать что-то делать, пока префект не даст мне все бумаги – без толку. Я решил вернуться в трактир, выбрав на этот раз другой маршрут, захотелось рассмотреть местные достопримечательности. Свернул налево, прошёл несколько кварталов. Те же дворики, те же домики, то же самое количество ненавидящих и испуганных взглядов. Наконец я вышел к местному рынку.

Площадь на окраине, десятка четыре палаток – продукты, одежда, инструменты, несколько загонов со всякой живностью – домашние птицы, свиньи, несколько коров и лошадей. Слишком большой для такого маленького городишки, но нужно учитывать, что большая часть населения этой провинции живёт не в городах, а на фермах. Слишком большой? Я улыбнулся. Ничто, по сравнению с огромным крайканским Базаром. Весь этот городок меньше, чем главный рынок Империи.

Местные фермеры и ремесленники бойко рекламировали свой товар, пока не увидели меня. Я шёл между палаток, и гул рынка постепенно смолкал, оставались только голоса животных. Один широкоплечий паренёк, торговавший кузнечными изделиями, видимо не понял, кто я такой. Он звякнул чем-то на стойке перед собой и крикнул мне:

– Господин, подходите, выбирайте товар. Лучшая кузница на сто миль вокруг. Ножи...

Стоявший рядом кряжистый, бородатый дед двинул его кулаком в плечо. Паренёк клацнул зубами, закрыл рот и удивлённо уставился на него. Я подошёл к их палатке. Дед взглянул на меня из-под кустистых бровей и сказал:

– Господин, он не хотел ничего плохого. Молодой, дурной, не признал.

– Я тоже не хочу ничего плохого, – ответил я, – покажи свой товар.

– Проходите, смотрите, – он отодвинул паренька в сторону и отошёл сам, освобождая проход в палатку. Паренёк всё так же удивлённо хлопал глазами.

Я зашёл внутрь и стал рассматривать их изделия. Вилы, сапки и прочее меня не интересовали, а вот оружие всегда было моей слабинкой. Минут десять я простоял перед стойкой с ножами и мечами, доставая то один клинок, то другой, пробуя баланс, заточку, качество стали. Совсем неплохо.

– Не великоват ли арсенал для такого городка? – спросил я.

Дед недовольно поморщился:

– Знаю, что раскупят, может, лет через десять. Да к тому времени я ещё больше наделаю, если жив буду. Люблю я с оружием возиться, для души это. А то барахло, – он махнул рукой в сторону инвентаря, – мне радости не приносит.

Я взял пару метательных кинжалов висящих на стойке в двойных ножнах. Причудливый орнамент на четырёхгранных клинках, тонкие, как жала, острия, рукоятки из чёрного дуба. Больше всего меня заинтересовала странная дымчатая сталь. Я взвесил один из них на ладони. Удивительно тяжёлый, для своего размера.

– Сколько за пару? – спросил я.

– Восемьдесят импералов, – ответил старик.

Мои брови поползли вверх.

– Восемьдесят? Да хороший меч стоит вполтину меньше.

Дед раздражённо дернул себя за бороду здоровенной лапищей.

– Хороший меч из йеррской стали стоит больше трёхсот. Я купил обломок клинка у одного бездельника за пятьдесят. Шесть декад перековывал его в эти кинжалы. Зараза, никак не поддавалась, пока я не... Нет, не скажу, секрет это. Хочешь – покупай, не хочешь – ступай, – старик сложил руки на груди.

– Йеррская сталь? – спросил я.

– Что, никогда не видел?

– Видел, отчего же, – сказал я. Затем вытянул из ножен до середины свой палаш, демонстрируя серебристо-матовый цвет йеррской стали, и засунул назад, – Только не похоже. Йеррские мечи с белым отливом, а эти – серые, – закончил я.

– Перековывал я их. Вышло не хуже, даже лучше. Лист железа в полпальца толщиной пробивают на раз. Хочешь верь, хочешь нет, – насупился старик.

Я стоял в задумчивости, покачивая кинжалом. Отличный баланс. Мой взгляд упал на закрытый шлем, лежащий под стойкой с оружием. Я наклонился и постучал пальцем по шишаку.

– Пробивают, говоришь? А ну ка, – я повернулся к парню, – пристрой этот шлем где-нибудь подальше.

Он взглянул на кузнеца, тот кивнул. Парень подхватил шлем и вышел из палатки, мы вышли следом. Люди на рынке молча уставились на нас, большинства покупателей уже не было. Разбежались. Подмастерье отошёл метров на десять и повесил шлем на столб одной из палаток. Я махнул рукой:

– Дальше.

Парень отнёс шлем ещё метров на десять дальше и снова повесил на другой столб. Я кивнул, он отошёл в сторону. Встревоженный владелец палатки выглянул наружу, начал что-то говорить, потом увидел меня и зашёл назад.

Я взял один и кинжалов за лезвие и несколько раз подбросил в воздухе. Затем размахнулся и метнул в шлем. Попал. Кинжал ударил в железо с глухим стуком и остался торчать в шлеме. Я вытянул из ножен второй кинжал, взял его за рукоятку и снова метнул. Опять попал. Старик уважительно посмотрел на меня:

– А вы горазды ножички кидать.

Я промолчал. Подмастерье снял шлем со столба и принёс к нам. Один кинжал пробил забрало и по рукоятку вошёл в металл, второй попал в лобовую пластину и вошёл на треть лезвия. Поразительно. Я осмотрел шлем – стандартное снаряжение тяжёлой пехоты, такие носят во всех легионах Империи. Да уж, пожалуй, кинжалы стоят того. Я глянул на кузнеца, тот от гордости надулся как индюк.

– Ладно, беру, – сказал я.

Старик взял шлем, легко вытянул один кинжал из забрала, затем немного повозился, вытянул второй, внимательно осмотрел оба и засунул их в ножны.

– Девяносто пять.

– Что? Ты говорил восемьдесят.

– Они даже лучше чем я думал. Девяносто за кинжалы и пять за испорченный шлем.

– Мало кто может так метать. Если бы не я, как бы ты их проверил? А в шлеме нужно починить только две детали. Восемьдесят пять.

– Девяносто и по рукам, – дед протянул волосатую, мозолистую руку.

Почти половина моих денег. Но кинжалы того стоят. В столице я смогу их продать за сто пятьдесят, или больше, а могу и себе оставить. Я ударил своей ладонью по его.

– По рукам.

Я отсчитал деньги, забрал покупку и пошёл дальше. За моей спиной послышался шепот подмастерья:

– Деда, а кто это?

– Дурья твоя башка. Не видишь чёрные одежды? Антимаг это, по-нашему – проклятый, – прошептал в ответ кузнец.

– Ух ты. А выглядит как человек.

– Человек? Видел, как шлем пробил? Люди так не могут.

Больше никаких покупок я делать не стал. Задержался только возле столба с двумя привязанными к нему лошадьми. Двухлетняя кобыла и полугодовалый жеребёнок. Я погладил жеребёнка по ноздрям, он лизнул меня в ответ по руке шершавым языком. Лошади, в отличие от собак, меня не боятся. Люблю лошадей.

Вернувшись в трактир, я взял бутылку красного орлейского и поднялся в свой номер. Откупорил бутылку и отхлебнул с горлышка. Это третья бутылка за сегодня, обычно я так много не пью. Но что тут ещё делать? Я стянул сапоги, сбросил плащ и улёгся на кровать.

Что они тут вообще делают всю жизнь? Ни театра, ни библиотеки, вообще ничего. Только храм, выпивка да соседские юбки. Сомневаюсь, что в храм они часто ходят. Я представил себе, как день за днём, встаю, работаю, вечером выпиваю, залажу к жене в постель, утром опять встаю, работаю, вечером выпиваю, пьяная драка в трактире, залажу в постель к соседке, утром опять... Бррр. Я бы умер от скуки через декаду.

Зачем им эволюция дала самосознание и интеллект на порядок выше, чем у той же коровы, если они всё равно ведут коровий образ жизни? Родился, тянул лямку, ел, пил, спал, умер.

Бутылка закончилась. Взять ещё одну? К чёрту. Есть и более интересные занятия. Я надел сапоги и спустился вниз. Хозяина видно не было. Какая-то другая служанка, не Гизель, а толстая, розовощёкая бабища, мыла пол в зале. Я заказал ужин к пяти часам и вышел на задний двор.

Конюшня, сейчас пустовавшая, какой-то сарай, отхожее место и поленница с дровами. Я выбрал колоду побольше, отнёс её к забору и отошёл на другой край двора. Достал купленные кинжалы, полюбовался немного орнаментом на лезвиях. Отличная работа.

Я метнул верхним замахом один кинжал, и он вонзился в колоду на уровне моей шеи. Метнул второй нижним замахом – попадание в живот. Пошёл к колоде, вытянул кинжалы и повторил тоже самое левой рукой.

Я метал кинжалы больше часа. Нужно чтобы руки привыкли к их весу, размеру и балансу. Потом можно будет тренироваться в трансе, но сначала нужно осознанно получить необходимые рефлексы. Когда колода была уже порядком расщеплена, появился трактирщик. Минут пять он наблюдал за моими упражнениями, я не обращал на него никакого внимания. Наконец он не вытерпел и кашлянул.

– Господин, ужин уже готов.

Я метнул кинжалы в последний раз, вытянул их и сунул в ножны.

– Хорошо, иду.

Я поужинал снова в компании хозяина. На этот раз он не так робел и уплетал за обе щёки. До меня ему было далековато, тем не менее, на двоих мы съели как минимум пятидневную норму среднего человека. Уничтожая еду, я походу пытался вытянуть из трактирщика что-нибудь и свежих сплетен, но на этот раз ничего интересного. Под конец он рассказал, что барон Риан собрал всех своих домочадцев и слуг и выехал из города.

– Сам видел, час назад, через южные ворота. Наверное, в загородное имение, дом там уж почти отстроили, за полгода-то, – трактирщик снизил голос до полужёпота, – здорово вы его возле префектуры отделили. Оно может и правильно, порядок для всех одинаковый. Только людишек у барона много, да и злопамятный он, не то слово. Как бы не вышло чего.

Хорошо поужинал. Я вытер руки салфеткой, откинулся на спинку стула и спросил:

– Чего не вышло?

– Ну, – он немного помялся, – как бы барон вместе со своими людьми не учудил чего-нибудь.

– Тринадцатый легион расквартирован за сто миль отсюда. Если барон поднимет бунт, через декаду весь город умоется в крови.

Трактирщик хрюкнул, подавился и начал кашлять, судорожно втягивая воздух. Я встал из-за стола, хлопнул его по спине и пошёл к входной двери. На пороге повернулся и сказал:

– Так что если барон и учудит чего-нибудь, то я на месте горожан сам его и успокоил бы. До прихода войск.

Сержант снова ждал меня у входа в префектуру. Увидев меня, он козырнул. Я прошёл мимо него и вошёл в здание.

– Префект на месте? – спросил я.

– Так куда и не уходил, – ответил он, – ещё приехал Нунцио, его секретарь, и Павлий, писарь. Все в кабинете префекта.

Пройдя метров пять, я повернулся:

– Чего стоишь? Пошли со мной.

Мы поднялись на второй этаж и вошли в кабинет. За столом всё также был префект Оций. Слева от него сидел молодой, черноволосый мужчина, с правильными чертами лица. В отличие от префекта, одетого в синий камзол, на нём была серая форменная одежда государственного служащего. Справа сидел седой, грузный старик с дряблым лицом и красным носом. Его форменная одежда была великовата в плечах, зато на огромном животе была натянута как на барабане.

– Честь имею, – сказал я.

Все трое встали. Оций правой рукой прикоснулся к плечу молодого человека:

– Секретарь Нунцио, – сказал префект.

– Честь имею, – Нунцио кивнул головой.

– Писарь Павлий, – толстый старик склонил голову в поклоне.

Я прошёл к креслу, поставленному для меня возле стола. Потом повернулся к легионеру:

– Найди себе стул и присоединяйся к нам.

– Слушаюсь, – ответил он, вышел с кабинета и вернулся секунд через десять со стулом в руке.

Все расселись вокруг стола. Здоровенный сержант никак не мог примоститься на маленьком стуле, наконец, нашёл удобное для себя положение, вытянул длиннющие ноги под стол и облегчённо вздохнул.

– Итак, – я сделал паузу, бросив взгляд на всех по очереди, – ваш отчёт. Девять исчезнувших без вести. Надеюсь это не просто описка? Мне будет очень неприятно, если я проехал такой путь для того чтобы исправить простую неточность. Если это так, то вам тоже будет очень неприятно.

Оций посмотрел на секретаря. Тот прочистил горло, взял папку, лежавшую перед ним, и сказал:

– Нет, господин судья, всё точно. Трое исчезли в позапрошлом квартале и шесть в прошлом. Вот, – он протянул папку мне, – документы, которые я собрал по исчезнувшим.

– Хорошо, подождите, пока я ознакомлюсь.

Я открыл папку. Пока я читал, Оций нервно ёрзал в кресле, Нунцио сидел так, словно проглотил шпагу, писарь тоскливо смотрел в окно, а сержант ехидно рассматривал их всех. Хоть кому-то это всё приносит удовольствие. Я достал первый листок, исписанный каллиграфическим почерком.

Венос Гранз, возраст двадцать один год, исчез первым, пятнадцать декад назад. Отец, мать, чем занимался. Я достал второй листок.

Ноэм и Сладос Кратон, близнецы, возраст восемнадцать лет. Исчезли вместе одиннадцать декад назад. Почти целый лист информации об этих братьях. Я посмотрел на секретаря, он всё так же сидел с прямой спиной и отсутствующим взглядом. Неплохо Нунцио поработал, сэкономил мне кучу времени. Следующий лист.

Гатос Круиан, судя по фамилии – рейнианец, возраст двадцать лет. Исчез девять декад назад. Многочисленные родственники с рейнианскими фамилиями, молодая жена. Никто из них не знает, куда он исчез. И так далее, и так далее, и так далее.

Я внимательно прочитал остальные листки. Умник было зашевелился, решив что он нужен, но я прогнал его восвояси. Без него разберусь. Девять исчезнувших, шесть имён из папки называл мне трактирщик, когда жаловался на разгулявшуюся молодёжь. Я положил папку на стол и постучал по ней пальцем, привлекая внимание.

– Неплохо, господин Нунцио. Лучше чем я ожидал, – сказал я.

Секретарь кивнул головой.

– Но здесь не хватает двух важных вещей, – продолжил я и сделал паузу, ожидая вопроса.

– Каких именно? – не выдержал префект.

Я вновь открыл папку и, для вида, пролистал её.

– Во-первых, все они были магами. Во-вторых, все они водили дружбу с Хьюто, сыном барона Риана. В их компании были также Мирабель, дочь Камилы и Дженс, сын пекаря. Эти, насколько я знаю, ещё не исчезли.

– Откуда вы всё это знаете? – спросил префект.

– Удивлены? А меня удивляет другое – то, что вы этого не знали. Или знали? Тогда почему этого нет в папке?

В ответ молчание. Злость окатила меня красной волной. Я ударил кулаком по столу. Префект отшатнулся назад, старый писарь втянул голову в плечи, остальные не шелохнулись.

– Господин префект! Я спрашивал вас днём и повторяюсь сейчас: что тут происходит? Кроме вашей халатности и бесхребетности? Необычайно большое количество молодых магов для такой дыры. Они вытворяли что хотели, держали весь город на ушах, в конце концов, сожгли дом барона. Затем начали исчезать один за другим. Что вы делали всё это время – понятно. Ничего. Но вы не могли быть абсолютно слепым и глухим. Отвечайте. Что. Тут. Происходит.

Непроизвольно я перешёл на Голос. Владеющие им могли одним криком нагонять ужас на целые толпы.

На префекта было противно смотреть. И без того бледное лицо сейчас было цветом как у покойника. Губы тряслись, руки нервно комкали какую-то бумажку на столе, капля пота стекала по щеке. Наконец, он смог выдать из себя:

– Господин судья, клянусь честью, больше я ничего об этом не знаю.

Я вздохнул сквозь зубы, успокаивая себя. Положил локти на стол и переплёл пальцы. Постепенно злость ушла. Я оглядел остальных и спросил:

– Кто из вас маг?

– Я маг третьего ранга, – ответил Нунцио.

– Магический анализ что-нибудь дал?

– Ничего особенного, – Нунцио покачал головой, – только необычайно высокий магический уровень исчезнувших.

– Кто-нибудь ещё может что-то добавить?

Писарь и секретарь отрицательно покачали головами. Сержант кашлянул. Я повернулся в его сторону.

– Если вы не возражаете, то с глазу на глаз, – сказал он.

Я кивнул головой и ещё раз обвел взглядом всех.

– Учтите, если что-то недоговорили – душу выну. Теперь к делу. Нужно найти троих оставшихся как можно скорее и привести их сюда для допроса. Сейчас. Барон сегодня покинул город вместе со всеми слугами и родственниками, сына тоже наверняка забрал с собой. Но всё равно нужно проверить его дом. Дальше. Где дом барона, как далеко находится его загородное поместье и где живут остальные, Мирабель и Дженс?

Секретарь пошевелился, поменял положение в кресле и сказал:

– Дом барона рядом, на этой площади. Поместье находится на Кровавом холме, пятнадцать миль отсюда, даже если поспешить, то до темноты не успеть. Дженс живёт в доме отца, его пекарня недалеко от рынка. Миранбель живёт с матерью на северной окраине города.

– В поместье барона, если понадобится, поеду завтра. Дом проверю сейчас, – я повернулся к сержанту, – сколько времени тебе надо, чтобы привести остальных?

– Часа хватит. Сам пойду за девчонкой, а Галлия пошлю за Дженсом, – ответил он.

– Хорошо. Кроме писаря больше никого не задерживаю. Вы, – я посмотрел на старого служащего, – будете нужны для записи показаний.

– Слушаюсь, господин судья, – ответил он.

Мы с легионером вышли из кабинета и спустились на первый этаж. Сержант остановился перед выходом. Я спросил:

– Ну? Что хочешь рассказать?

– Видел я Стражей в деле, не один раз, но судью-исполнителя – впервые. Вы когда на префекта гаркнули, я чуть в штаны не наложил. Здорово это у вас получается.

– А по делу?

Он почесал затылок и ответил:

– Да ходили эти сопляки своей компашкой, с год где-то. Друг перед другом выдрючивались, кто кого перемагует. Надоели всем, хуже камня в сапоге. А когда пропадать стали, то все только вздохнули посвободней. Так что никто особо и не выступал, даже родственники помалкивали.

– А чего не сказал это там, у префекта?

Сержант ухмыльнулся:

– Пусть думает, что я вам рассказал что-нибудь такое, из-за чего вы ему завтра голову с плеч.

– Смотри, я уеду, а барон с префектом останутся. И припомнят, каждый своё.

Легионер сплюнул на мраморный пол.

– Я видел, как на меня прётся десятитонный морозот, весь в костяной броне и шипах. И не испугался. А они давили людей как спелые вишни, только красный сок брызгал в разные стороны. После этого меня ни один человек испугать не сможет.

– Ладно, дело твоё. Жду тебя здесь через час.

– Слушаюсь.

– Где дом барона?

– Да вон, здоровенный, трёхэтажный, – ткнул пальцем легионер и пошёл в сторону рынка.

Я пересёк площадь и подошёл к особняку. Высокий каменный забор с железными штырями наверху, двухстворчатые деревянные ворота, обитые металлическими полосами. Закрыто. Чуть дальше дверь в стене. Тоже закрыто. Я подёргал шнур звонка возле двери, никакого результата. Не работает, хрень магическая. Я постучал в дверь. Подождал пару минут. Ничего. Постучал сильнее и дольше. Прошло ещё немного времени. Наконец за дверью послышались шаги и хриплый голос спросил:

– Кто там шумит? Пацанва, совсем разбаловались, не дают человеку...

– Открывай, – перебил его я.

– Чего? Это кто там такой умный?

– Чёрная Канцелярия, открывай.

– Какая каце... карце..., тьфу ты. Никого нет тут, открывать не велено.

– Открывай или вышибу дверь, – я начал злиться.

– Щас я тебе вышибу, – прохрипел голос.

Послышалась возня, лязг засова и дверь открылась. Наружу вывалился толстопузый мужик с палкой в руке. Увидел меня, охнул и попытался забежать назад. Я схватил его за

шиворот, оттянул от двери, развернул и прижал к забору, палка выпала из его руки и покати-лась по камням мостовой.

– Боженьки, – выдохнул он перегаром мне в лицо. Видимо у местных охранников такая традиция – пить на посту.

– В доме кроме тебя ещё кто есть? – спросил я.

– Нету, никого нету, все днём уехали. Не убивайте меня, господин хороший, у меня жёнушка, детки, ничего плохого я не делал, дом охраняю, законов не нарушаю, неуважение по незнанию проявил, вы ж сразу не ...

Я слегка встряхнул его. На глазах толстяка выступили слёзы, и без того красный нос налился как спелый помидор. От него нестерпимо несло алкоголем.

– Тише, дурак, на кой ты мне сдался. Сын баронский тоже уехал?

– Вместе с папенькой и уехал, все уехали, я один остался. Не убивайте меня, пожалуйста.

Я отпустил его и пошёл назад к префектуре. Позади хлопнула дверь. Какой-то случайный прохожий уставился на меня. Бородатый высокий дед в сером плаще. Заметив, что я смотрю на него, он ускорил шаг и прошёл мимо.

Из префектуры как раз выходили Оций и его секретарь. Я окликнул их, и они останови-лись.

– Писарь в вашем кабинете? – спросил я.

– Нет, в своём, на втором этаже, следующая дверь после моей. Но у него есть ключи от всего здания. Если вам понадобится мой кабинет ...

– Не понадобится. Доброй вам ночи, господа.

Они попрощались в ответ. Сомневаюсь, что эта ночь будет для них доброй. Я встал возле одной из колонн и стал дожидаться сержанта. Он появился минут через сорок. Рядом с ним шёл второй легионер, на две головы ниже, но раза в полтора шире сержанта. Лет под пятьдесят, тоже ветеран. Всё лицо здоровяка было в плохо заживших шрамах.

– Это Галлий, – сержант мотнул головой в сторону напарника.

Легионер козырнул мне, я ответил кивком.

– А где Мирабель и Дженс?

– Нету их обоих. Пекарь ни слухом ни духом про сынка, а вдова говорит что дочка и пекарёныш уехали днём вместе с баронской свитой. Мы осмотрели дома, там их точно нету. Может и вправду они с бароном из города смылись.

Так. Мне начинает это надоедать. Я спросил у сержанта:

– Ты говорил вас трое?

– Да, третий – Гус. Он сегодня на смене, в караулке, – ответил он.

– В каких частях служили?

– Все трое в тяжёлой пехоте лет по двадцать-тридцать отбарабанили.

– Амуниция с вами или в легионе осталась?

Сержант удивлённо посмотрел на меня:

– Какая ж мы тяжелая пехота без доспехов? С нами железяки.

– Гусу скажите, чтоб шёл спать, без вашего дежурства одну ночь город простоит. Найди префекта, пусть к утру разбудит повозку на восемь-десять человек и лошадь для меня. Завтра, в семь утра жду вас троих здесь, возле префектуры, в полной боевой выкладке. Поедем, навестим барона. Сколько до его поместья?

– Ну, на повозке часа три, дорога сильно петляет и холмов много, – ответил он.

– Тогда к десяти будем там. Всё, до завтра.

Они козырнули и я пошёл в трактир. Сказал трактирщику, чтобы разбудил меня в шесть, поднялся в свой номер. Разделся, лёг на кровать – пришло время вечернего транса. В отличии от утреннего, вечером он нужен для восстановления организма. С помощью него я замедляю

процесс старения, укрепляю иммунную систему, провожу полную ревизию тела. Ещё ни один из нас не умер от старости. Да и болеем мы очень редко.

Узкая тропинка змейкой вилась между невысоких холмов. Сплошь поросшие кустарником и травой, причудливо изрезанные дождями и ветрами, холмы казались стадом огромных мохнатых животных, прилёгших отдохнуть. Я свернул с тропинки, взбежал на хребет одного из этих исполинов и вдохнул полной грудью, сколько было сил. Ароматы свежескошенного сена и недавнего дождя смешивались в восхитительном амбре. Легкий ветерок ласкал кожу, словно детской ладошкой, солнышко нежно пригревало, создавая контраст с утренней прохладой. Маленький певец порхал в чистом лазурном небе, исполняя оду весне на своём птичьём языке. Моё самое любимое время года, самая любимая погода, самые любимые звуки, цвета, запахи. Что и не удивительно. Ведь это место создал я.

Большинство антимагов, войдя в транс, оказывались в пустой комнате с голыми стенами. Мол, так ничего не отвлекает. Дураки. Разве может серая невыразительность сравниться со всем этим? Я потратил уйму времени на этот мирок в своей голове, но не жалею ни об одной секунде. Та смесь бодрости, умиротворения и гордости творца, которую я ощущал каждый раз, попадая сюда, стоила того. И каждый раз я вспоминал, как всё начиналось.

В Чёрную Академию я попал в шесть лет, обычный возраст первокурсника. Некоторых нефари поисковые отряды находят позже шести. Таких называют Переростками и обучают отдельно. Чем старше начать учиться, тем тяжелее стать антимагом. Мне в этом смысле повезло, меня нашли, когда мне было всего три. Свою семью я почти не помню. Так, смутные образы, подсказанные скорее воображением, чем памятью. Может это и к лучшему. Жизнь до шести лет я тоже помню эпизодически, фрагмент там, фрагмент тут. Непрерывный поток памяти начинается именно с начала обучения. Не знаю, связано это как-то между собой или нет.

Первые три года в Академии я ничем не отличался от своих однокашников. Ну, разве что, был сообразительнее и драчливее многих. Именно из-за этого, из-за сообразительности и драчливости, я познакомился с Роулом и Флавио, моими закадычными друзьями, нет, скорее даже братьями. Не помню как, но я облапошил Роула и завладел его медальоном, единственным, что осталось ему от прошлой жизни. Он набросился на меня и между нами завязалась драка. Я повалил противника на спину, победа была близка. Но тут за Роула вступился Флавио. Вдвоём они здорово отмутузили меня, хотя я тоже в долгу не остался. А затем нас отвели к наставнику.

Деревянная трость была неизменным атрибутом всех учителей Академии. Мы стояли в углу огромного кабинета, лицом к стене, как три загнанных волчонка. Наставник прохаживался позади нас, рассуждая о нашем непослушании, об оказанной нам чести и прочей подобной чепухе. В конце каждого предложения он ставил точку своей тростью на одной из наших задниц. Свист трости. Надежда, что сейчас не тебя. Не повезло. Боль. Следующее предложение.

Меня били впервые в жизни. Но я не закричал, хоть было очень больно, а мне не было и семи. Два других страдальца молчали, молчал и я, не желая уступать им. Всё ждал, что не выдержит кто-то другой. Вряд ли эта экзекуция добавила нам послушания. Зато появилось взаимное уважение, вскоре переросшее в дружбу.

В начале четвёртого курса пришло время обучения трансу. Мы должны были создать в своей голове некоего двойника, альтер эго, вторую личность. В состоянии трансa этот двойник-образ должен был выскакивать из глубин подсознания, как чёртик из коробочки, и помогать нам в учении, физическом развитии, в тренировках с оружием, словом во всём, что отличает антимага от нефари.

Почему бы не делать это всё как простые люди? Не зубрить книги, не махать часами мечом, не бегать каждый день по десять миль? Ответ прост – в трансe это происходит намного

быстрее и эффективнее. Образ может выжимать из тела и мозга все сто процентов, в разы больше чем в обычном состоянии. Да и время в трансе бежит намного быстрее. Десять минут транса заменяют мне несколько часов реальной жизни.

Всё это прекрасно, конечно же, но далеко небезопасно. Расщепление сознания, сверхнагрузки на психику и организм могут привести к плачевным последствиям. Очень легко можно стать пускающим слюни психом. Поэтому существует множество запретов. Нельзя персонализировать Образ, делать его слишком сложным и независимым. Нельзя чересчур сильно ускорять время в трансе, не больше чем в восемь-десять раз. Нельзя призывать Образ когда ты в сознании. Нельзя долго быть в трансе. Нельзя создавать больше одного Образа. И так далее. Нельзя. Нельзя. Нельзя. Деревянные трости так и свистели. Десятки запретов, которые нам старательно вбивали в головы и в задницы. Я нарушил их почти все.

Подростковый максимализм, желание быть самым сильным и самым умным толкнули меня на это. Я грезил наяву, пока мои однокурсники создавали в своих серых невыразительных головах такие же серые и невыразительные Образы. Конечно же, мой Образ должен быть самым лучшим. Запреты, нравоучения? Они только подтолкнули меня, хотя вначале я не собирался их преступать.

Я засел за книги, проводя всё своё свободное время в библиотеке. По ночам я медитировал часами, создавая целый мир в своей голове. Безумная мечта захватила меня, вытеснив из жизни почти всё остальное. Бледный, с мешками под глазами и отсутствующим выражением лица я стал похож на измождённого призрака. Дело продвигалось медленно, но я не отступал.

Постепенно я начал отставать от сверстников в учёбе и физическом развитии. В конце четвёртого курса все они уже создали свои Образы и приступили к тренировкам в трансе. Я же только заканчивал создание этого чудо-мирка и собирался приступать к своему первому образу. Да-да, именно первому, так как к тому времени я решил, что у меня их будет несколько.

Масса прочитанных книг и многие часы размышлений подсказали мне одну идею. В самом начале своих исследований я натолкнулся на пару абзацев в «Истории возникновения и развития Чёрной Академии». Там говорилось, что первые антимаги создавали по несколько образов, каждого для своей цели. Но большое количество психических срывов и случаев шизофрении заставили прекратить эту практику. Вот я и подумал, а что если самый первый образ будет своего рода архитектором и надсмотрщиком? Что если он будет помогать мне создавать другие образы, а потом с его помощью я буду их контролировать? Может тогда я смогу получить выгоду от нескольких личностей, не съезжая при этом с катушек, не пуская слюни и не разговаривая разными голосами?

Я засел за книги по психологии, стараясь наделить своего первенца нужными знаниями. Крупица за крупицей, кирпичик за кирпичиком, проводя в трансе чуть ли не больше времени, чем в сознании, я начал его создавать. Сам не знаю почему, видимо сказалось близкое половое созревание, но образ почему-то получался женским.

Тем временем заканчивался пятый курс. Мои сверстники всю пользовались трансом и своими простенькими образами. Мне же приходилось учиться и тренироваться по старинке, тем более, что львиную долю времени я тратил вовсе не на это. Я стал белой вороной. Эдаким слабаком, которого ученикам можно безнаказанно пнуть – потому что слабее, а учителям ставить в пример каким не надо быть – потому что глупее. Роул и Флавио защищали меня, как могли, но помогало это мало, разве что часть тумачков доставалась им.

Это был ужасный период. Мне назначали дополнительные занятия со старым пердуном Криллом, мастером копать в чужой подкорке. Он всё хотел узнать, что происходит в моей голове, а я очень этого не хотел. Среди учеников появилась новая забава – кто первый поймает меня в коридоре, а поскольку все бегали быстрее меня, то ловили меня частенько, ну и били соответственно. Но я не сдавался. Лишь озлобился и замкнулся в себе. Даже со своими двумя

друзьями я стал молчаливым и неприветливым. Но они не бросили меня. Так продолжалось почти целый год.

А затем мой первый Образ ожил. Это случилось не постепенно, а в один миг, и очень неожиданно. Я привычным усилием воли вошёл в транс, даже не помню для чего, то ли доделывать какую-то мелочь в этом мире, то ли продолжать моделировать Образ. И вдруг она явилась мне. Зеленоглазая красавица лет двадцати, со светло-рыжими волосами, длинными ногами, широкими бёдрами и небольшой грудью. Мой идеал женской красоты тогда, навеянный мальчишескими фантазиями. Её звали Ани. Это имя она сама себе выбрала.

Я вышел из трансa ошеломлённый своим успехом. У меня получился полноценный Образ, часть моего сознания и подсознания, независимая от меня. Но потом пришёл ужас. Я вложил в неё слишком много труда и времени. Ани получилась слишком сложная и детальная, слишком независимая и умная. Чёрт возьми, я был подростком двенадцати лет, а она взрослой, пусть только в моём подсознании, но всё же. Я этого не хотел. И кто теперь будет главным?

Я лежал в своей кровати и покрывался холодным потом. Что делать? Идти и сдаваться? Они выкорчуют Ани из моей головы. Сколько труда пропадёт. А какой позор. «Слышали, наш дефективный Нико совсем с катушек съехал, ему теперь старый Крилл голову лечит». Нет, ещё одного унижения я не перенёс бы. Я пролежал без сна до утра и решил – пусть будет что будет. Назад дороги нет. А потом понеслось-поехало.

Буквально за пару месяцев мы вместе с Ани создали второй Образ. Умника. Получился долговязый и нескладный интеллигент лет сорока, близорукий и с залысинами. Эдакий книжный червь. Но внешний облик не главное. Мы постарались придать ему способность использовать возможности моей головы на полную. Мне уже не надо было внимательно читать книги, я просто пролистывал их и вспоминал в трансe. За короткий срок я смог впихнуть в него все содержимое библиотеки Чёрной академии и стал ходячей энциклопедией.

Правда существовала проблема. Я мог пользоваться знаниями Умника только в трансe. Не медитировать же каждый раз, когда тебя спрашивает учитель? И тогда я нарушил ещё один запрет – стал призывать Образ, находясь вне трансa. Отдавал Умнику часть своего сознания, позволяя ему дёргать за ниточки, зато получал доступ к нужной информации. Без Ани это было бы полной глупостью, но она держала его в узде.

Со временем я научился пользоваться этим Образом, не входя в него. Он жужжал на задворках моего сознания, как надоедливая муха, давая доступ к любой информации, бесполезные советы и постоянно умничая.

Вскоре у Умника открылась ещё одна поразительная способность. В трансe или будучи призванным в сознательном состоянии он мог связывать и сопоставлять данные, выстраивая логические цепочки невероятной длины. Притом очень быстро. С Умником за плечами я мог, оглядев класс, определить: кто и что ел на завтрак и сколько родинок на заднице у горничной наставника. Умник был как художник, способный по нескольким штрихам восстановить всю картину. Правда, давалось это нелегко. Слишком сильная нагрузка на мозг, особенно вне трансa, вызывала ужасные головные боли и слабость во всём теле. Один раз я даже потерял сознание. Так что к этому фокусу я прибегал крайне редко.

Само собой, мои успехи в учёбе прыгнули до небес. Теперь меня ставили в пример, но не как тупицу, а как светоч знания. Бить стали сильнее и чаще. Меня гоняла по всему зданию орава молодых засранцев и покой я находил только в своей комнате, благо она запиралась изнутри. Роул был здоровяком уже тогда, шире самых здоровых задир, Флавио был высоченным и худощавым, зато поразительно ловким, хоть и выглядел нескладно. Им доставалось не намного меньше меня, но они не отступались. Пожалуй, именно в этот период наша дружба стала крепче камня.

Шестой курс закончился. Все мои оценки по учёбе были по максимуму, зато физические дисциплины хромали, даже нет, не хромали, а ходили на костылях. Я был слабее обыч-

ных подростков своего возраста, против же юных антимагов я выглядел как сушённая треска. Сказывались постоянные побои и ежедневные часы медитации, которые я проводил лёжа на кровати. Старая скотина Крилл не отставал и, кажется, начал подозревать что-то нехорошее. Мне было очень тяжело обманывать его, пятисотлетнего антимага, повидавшего на своём веку тысячи таких сопляков как я.

А затем появились Мастер и Лекарь. Мы работали над ними одновременно, два Образа, занявшие недостающие места. Внешний образ Лекаря мы скопировали с древней литографии Арриуса, великого целителя древности. Полненький, темноволосый мужчина с круглым лицом и вечно смеющимися глазами. Добрячок, готовый отрезать тебе ногу, потому что так надо. Лекаря мы наделили тонной знаний о человеческом теле и запредельному контролю над внутренними органами, гормонами, секретами и всему тому остальному, чем набит мой кожаный мешок. Сделать это было совсем непросто, но очень помог Умник. Те открытия, которые он сделал, поставили бы на уши весь медицинский мир.

Мастер же получился худой, жилистый, готовый ко всему и безучастный. Его не интересовало ничего кроме совершенства боя. Отрешённость, сосредоточенность и шестое чувство, позволявшее чувствовать противника как самого себя. Он умел выбрасывать из головы все сложные понятия, оставляя лишь самое простое. Любовь, ненависть, надежды, сомнения и прочее исчезали. Зато окружающий мир становился как под лупой. Любая мелочь фиксировалась сознанием мгновенно, а время словно замедлялось. Каждое мгновение растягивалось в вечность. Это было субъективное чувство. Время на самом деле бежало как обычно, просто я успевал прожить больше. Попробуйте посчитать капли, падающие с протекающего крана, хотя бы минут десять. Вам покажется, что прошёл час. Тоже самое происходило, когда я входил в этот Образ. Вот и весь Мастер, простой и бесконечно сложный.

С помощью Лекаря я стал богом над своим телом. Я мог за ночь вырастить волосы до пояса или потерять десять килограмм веса за день. Мог не чувствовать боли или почувствовать волосок на пальце ноги. Мог на короткое время стать нечеловечески быстрым и сильным или обходиться без пищи месяц. Мог что угодно, правда, за всё нужно платить. Но иногда очень полезно взять кредит, когда остальные не могут.

Мастер дал мне возможность использовать по максимуму возможности тела и разума в бою. С его помощью я смог полноценно тренироваться в трансе, за считанные недели наверстав всё, что пропустил за эти годы. Когда же я входил в Образ Мастера в сознательном состоянии, то превращался в машину смерти. Меня не волновало ничего, кроме победы. Время растягивалось, словно в трансе, за доли секунды я успевал принять единственно правильно решение, действия противников были просты и предсказуемы.

Казалось бы всё прекрасно, не правда ли? Умник делает меня всезнающим и сверхдогадливым, Лекарь даёт полный контроль над функциями тела, Мастер превращает меня в непобедимого бойца. Но были проблемы. Были и есть. Очень большие проблемы.

Умник считал себя очень умным, что и не удивительно, интеллектом он превосходил всех нас вместе взятых. А ещё он считал, что ему и только ему принадлежит право принимать решения. Ну, как самому умному, конечно же. Лекарь относился к моему, подчёркиваю, к МОЕМУ телу, как к храму господнему и был очень недоволен тем, что не он, жрец и хранитель это храма, принимает решения. Мастер видел в жизни только две цели: совершенствоваться в искусстве боя и побеждать. Он искренне недоумевал – зачем тратить время на что-то ещё?

Каждый из троих считал главным себя, а остальных, в том числе и меня, всего лишь досадными помехами. Я бы съехал с катушек ещё в первые месяцы, если бы не Ани. Мой ангел-хранитель и тюремщик для этой троицы. Она бы создана для этого и единственной целью её существования был порядок в моей голове. Если это можно было назвать порядком. Она держала в ежовых рукавицах остальные Образы, при этом, не претендуя сама ни на что. Пока что это получалось у неё совсем неплохо. Так мы и живём до сих пор, я и мои шизофреники. Или

диссоциативное расстройство личности, на профессиональном языке. Я знаю, о чём говорю, книг по психиатрии я прочёл в своё время уйму.

Седьмой курс был в самом разгаре, когда пришёл час расплаты. Сладкое время. Я нарастил себе мышцы, стал очень быстрым и жестоким. Мне ничего не стоило побить трёх-четырёх соперников. Вместе со своими друзьями я вылавливал бывших обидчиков по всему зданию Академии. Одни рыдали и упрашивали, другие пытались сопротивляться, третьи жаловались наставникам. Пощады не было никому. Наша троица стала нагонять ужас на всех однокурсников, и едва завидев нас в коридоре, они пытались скрыться в комнатах или классах. Кто не успел – тот опоздал.

Нас наказывали и уговаривали, но мы не успокаивались. Странное дело, когда я был мальчишкой для битвы, наставники смотрели на это сквозь пальцы. Стоило поменяться сторонами и деревянные трости заиграли на моей спине как палочки на барабанах. Мне было плевать, с помощью Лекаря я легко переносил самые суровые наказания. Но где справедливость? Нету. Не было. И не будет. Я сам себе стал справедливостью.

Так продолжалось до тринадцатого, последнего курса. Я совершенствовался сам, совершенствовал свои Образы и, вместе с Роулом и Флавио, терроризировал всю Академию. Постепенно я научился не полностью становиться другой личностью, а отдавать им лишь больший кусок сознания, частично оставаясь при этом самим собой. Роул стал к тому времени настоящим здоровяком, невысоким, зато почти квадратным. Флавио вытянулся в длину больше двух метров и, в отличие от флегматичного Роула, стал язвительным до отвращения. Свою тайну, то, что я сотворил со своей психикой, я так никому и не открыл, даже этим двоим.

Затем мы сдали выпускные экзамены, и вся Академия вздохнула с облегчением. Я и Флавио подались в судьи-исполнители Чёрной Канцелярии. Роул, никогда не отличавшийся сообразительностью, стал Стражем. С тех пор прошло восемь лет, но наша дружба только окрепла.

За воспоминаниями я и не заметил, как прошёл изрезанную холмами долину, пересёк мелкую речушку по каменному мостику и вошёл в лес. Бодрость весеннего утра сменилась успокаивающей прохладой. Могучие древние патриархи возносили свои кроны высоко в небо, создавая внизу полумрак и покой.

Наконец я вышел на большую поляну, в центре которой стоял одноэтажный дом. Место обитания моих Образов. Место в моей голове, которое делало меня непохожим на всех, даже на других антимагов. Деревянная лестница привычно скрипнула третьей ступенькой, я без стука открыл дверь и вошёл.

Выйдя из транса, я пролежал ещё какое-то время, вспоминая события сегодняшнего дня и размышляя о завтрашнем. После вечернего транса мысли скачут легко как кузнечики, голова ясная и решения приходят сами собой. Но на этот раз ничего дельного на ум не пришло. Слишком мало информации. Я провалился в сон.

Глава 4.

Антимаги никогда не видят снов. Не знаю почему, может наше подсознание устроено по-другому. Ещё в детстве, прочитав какую-то книжку, я прицепился к своему наставнику, но ничего кроме подзатыльника не получил. Не видят и всё, прими как данность.

Я проснулся ровно в шесть, за секунду до того, как раздался стук в дверь. Не имея возможности пользоваться будильниками, каждый антимаг умел просыпаться всегда в нужное ему время, только при смене часовых поясов приходилось вносить необходимые поправки.

Побрился, сполоснулся, пятнадцать минут для утреннего транса. В полседьмого я спустился к завтраку. Хозяин, не дожидаясь указания, уже накрыл стол на две персоны и ждал меня. Пусть ест, мне не жалко, еда всё равно входит в счёт постоя.

– Доброе утро, – сказал я.

– Доброе утро, господин судья, – ответил он и отодвинул мой стул.

Я сел и приступил к завтраку. Времени было немного, поэтому я спешил. Трактирщик попытался завести разговор, явно желая выведать подробности для новых сплетен. Я ответил ему молчаливым взглядом, и он заткнулся.

Ровно в семь я подошёл к зданию префектуры. Два легионера в полной тяжёлой броне сидели в повозке, запряжённой двумя лошадьми. Третья лошадь была осёдлана и привязана к борту. Возле повозки стоял сержант, тоже в броне и в офицерском шлеме со срезанным плюмажем.

– Всем доброе утро, – поздоровался я.

Легионеры козырнули в ответ. Из здания выбежал префект.

– Доброе утро, господин судья, мне нужно с вами поговорить, – сказал он.

Мы отошли в сторону.

– Я так понял, – начал он, – что вы едете в поместье барона.

– Да, господин префект, вы правильно поняли, – ответил я.

– А зачем вам эти трое? – он кивнул головой в сторону повозки, – неужели вы думаете, что барон окажет сопротивление представителю власти?

Я усмехнулся:

– Вчера барон напал на представителя власти с оружием в руках. Почему бы ему не сделать это сегодня?

– Понимаете, барон не занимает никакой должности, но его влияние в городе очень велико, мне приходится считаться...

Я перебил его:

– Давайте не будем углубляться в такие подробности. Я понимаю ваше положение, господин префект. Могу пообещать, что закон я не буду нарушать ни в коем случае.

– Закон...

– Разговор закончен, – отрезал я.

Он вздохнул. Я оставил его стоять в стороне и подошёл к легионерам. Три закованных в сталь фигуры, большие круглые щиты в повозке, тяжёлые копья с листовидными наконечниками, короткие мечи в ножнах. Третий легионер, Гус, был как брат-близнец Галлия, такой же невысокий, такой же широченный, такое же лицо в шрамах. Их что под одним прессом делают?

– Зачем ты нацепил офицерский шлем? – спросил я у сержанта.

– Мой у кузнеца был. Видел я, что вы с ним сделали. Ничего, этот тоже сойдёт, – он постучал латной рукавицей по шлему. Раздался глухой звон.

– Ладно, трогаемся, путь не близкий.

Я отвязал третьего коня и потрепал его по холке. Он посмотрел на меня большим влажным глазом и тихо заржал. Ройский трёхлетка чёрной масти с белыми прядями в гриве и

белыми бабками на двух передних ногах. Эта порода была выведена совсем недавно в провинции Рой, бывшем королевстве Ройском и моей родине. Их ценили за неприхотливость и выносливость.

Я вскочил в седло. Сержант, гремя доспехами, забрался на козлы, щёлкнул кнутом и повозка тронулась. Я поскакал неспешной рысью следом.

Солнце лишь немного приподнялось над горизонтом, но город уже давно не спал. Пастухи выгоняли скотину в поле за город, хозяйки с большими корзинами шли в сторону рынка, обходя большие лужи, которые всё ещё оставались после дождя.

Мы проехали мимо тележки молочника, он в испуге заставил прижаться своего ослика к забору. Ослик недовольно посмотрел сначала на хозяина, потом на нас. Паренёк в белой льняной куртке выскочил из-за угла на трицикле, лихо развернулся и обогнул повозку по широкой дуге. Когда он проезжал мимо меня двигатель трицикла заглох. Паренёк ругнулся, слез с седушки и озадаченно почесал затылок.

Не спорю, мы, антимаги, сильно тормозим технический прогресс. Любые приборы или машины, созданные магами-ремесленниками, отказываются работать в нашем присутствии. Парадокс, но столица в техническом плане отстаёт от провинций. Всё из-за нас. Полторы тысячи антимагов, даже в таком мегаполисе как Крайкана, обесценивают капиталовложения в развитие магической техники.

Мы выехали из города и скорость сразу упала. Просёлочная дорога ещё не успела высохнуть. Грязь и лужи. Барон со своей свитой успели её изрядно растоптать вчера. Я чертыхнулся и мысленно добавил ещё час на путь к поместью.

Мы проехали около мили. Мой жеребец с трудом переставлял ноги в этом месиве, то и дело оглядываясь на меня. Я выбрал место посуше, остановил телегу, привязал свою лошадь к борту и взобрался на козлы к сержанту. Гус и Галлий резались в карты и прикладывались к горлышку потёртой фляги.

– Что думаешь об этой поездке? – спросил я у сержанта.

– А что тут думать, моё дело выполнять, – он откашлялся и сплюнул, – чёртов климат, живу тут уже пять лет, а привыкнуть не могу. Как только холода – сразу сопли текут.

– Сколько людей у барона?

– Чёрт его знает. Всего сотни полторы наберётся. А кто может меч в руке держать – человек сорок будет, – ответил он.

– Думаешь, у барона хватит ума оказать сопротивление?

– Ума там мало, а вот гонору выше крыши. Не захочет он сынка своего выдавать. Думаю, будет драка, – сержант обернулся назад, – эй, вы двое, хватит с флягой целоваться.

Галлий как раз передавал её второму легионеру. Гус вытер горлышко ладонью, закрытил крышку и сунул флягу в вещь-мешок.

– Да чего там, вино это, чего с него будет, – проворчал он.

– Кому сказал, хватит. Распустились совсем, – сержант виновато посмотрел на меня.

Минут десять мы ехали молча. Пустые поля, деревья без листьев, дорога, вьющаяся чёрной змеей, свинцовое небо. Всё это приелось мне очень быстро.

– Ты говорил, что участвовал в Походе к восточному побережью, – сказал я.

– Да уж, поучаствовал, – сержант снова сплюнул, – эти вот, гаврики, тоже там были, – он кивнул головой за спину.

– И как это было?

– Как полная задница, – ответил сержант.

– Полнее только у моей бабушки была, – сказал Галлий и заржал. Гус его поддержал. У них даже хохот похожий был. Может они братья? Сержант продолжил:

– Меня с самого начала от этого воротить стало. Другие кампании как кампании. Собрали легионы, снарядили, поставили задачу и вперёд, во славу Империи. А эта была похожа на

дерьмо ещё до начала. Нас собрали возле столицы, на пустыре Краада, понаставляли трибун, ларьков, устроили парад и гуляния. Горожан набилось как муравьёв, все кричали: слава героям, засыпали нас цветами, лезли целоваться. Тьфу, – он опять сплюнул.

– Мне тогда такая фифочка дала... – мечтательно протянул Гус сзади.

– Ага, вешались на нас тогда и благородные и нищенки. Только куда они потом подевались, когда мы вернулись порубленные и полуживые? Все отвернулись и сделали вид, как будто нас и не было. Будто мы остались лежать там, а не вернулись домой. Как вспомню, такое зло берёт, аж руки дрожат, – сержант щёлкнул кнутом над ухом правой лошади.

– Вернулось нас из пяти полных легионов меньше двух, там и батя мой полёг. Он до центуриона в Десятом легионе дослужиться успел. Всё собирался на пенсию, даже ферму купить успел, недалеко от столицы, в Ваарамовом Уделе. Теперь там мать и братья младшие живут.

А за что полегли, так никто и не сказал. Разведывательная экспедиция, мол, идём до самого побережья, кто против – того на мечи, и всё записываем. Учёных к нам прикомандировали кучу, в каждую центурию по одному, а то и по два, всего двести человек. Вернулось из них двадцать шесть.

Одно радуется – после того как мы вернулись, собрал Император всех чиновников, которые за поход отвечали, от самого мелкого писаря до министра, и вывезли их на тот же пустырь где всё начиналось. Нас тоже пригнали, выставили строем. Император, здоровья ему и века, вышел перед нами, зачитал весь список потерь. Длинный список вышел, полчаса на него ушло. А потом и говорит: военные уже заплатили за эту глупость, пора и бюрократам заплатить.

Двум из каждых трёх чиновников – голову с плеч, третьему – двадцать палок. Начали с министра. Такой вой поднялся, аж уши заложило. А мы стоим в строю и смотрим. Парада и цветов на этот раз не было, но мне больше понравилось. Сотни три этих гадов в тот день не досчитались голов.

– С тех пор то место больше пустырём Чиновников называют, – вставил Галлий.

– Всё это я и без вас знаю. Интересно послушать про саму экспедицию, – сказал я.

Сержант оглянулся назад. Гус пожал плечами, а Галлий сказал:

– У тебя, Вио, язык лучше подвешен, тебе и рассказывать.

– Ладно. Сам поход говорите? Вышли мы значит из столицы, дай Единый памяти, второго числа третьей декады пятьсот сорокового года. Все герои хоть куда, грудь колесом, щёки зацелованы. На то, чтобы дойти до восточной границы, ушло шесть декад. Погодка стояла тёплая, дождей почти не было.

Вначале нам в каждом городе, мимо которого мы проходили, устраивали чуть ли не бал-маскарад, бабы так и вешались нам на шеи. Центурионы обалдели от такого и за дисциплиной почти не следили. Хорошо хоть среди нас большинство были ветеранами, так что всё шло как по маслу. Потом запал чуть остыл и под конец мы дошли уже более-менее при памяти.

Дошли мы, значит, до восточной границы, провинция Караган, городок там такой ещё, на холмах стоит, Веспен называется. Вепрь по-ихнему. В той провинции по-нашему почти и не говорят, что толкуешь – понимают, а в ответ – на своей тарабарщине. С этого городка прямо Мёртвые топи и видать.

Три дня мы готовились к переходу через топи. Нарезали шестов, наделали лыж для болота, разведчики облазили все топи вдоль и поперёк. Как переходили через эту грязь, рассказывать долго не буду. Жара, вонь, полно змей, спать негде, кругом одна зелёная жижа. Пятьдесят миль болот мы прошли за восемь дней. Сильно отличается от прогулки по Империи. Мы потеряли пару десятков человек, в основном от укусов змей и на девятый день вышли по другую сторону топей.

За Мёртвыми топями были земли аниматоров. Маги такие гадостные, толком ничего не умеют, кроме как костяшки оживлять. Зато в этом деле большие мастаки. Мы к этому были готовы, разведка облазила всю эту местность вдоль и поперёк ещё до нашей экспедиции. Всё

равно жутковато, когда на тебя прёт орда оживших людских скелетов, вперемешку с какими-то дохлыми тварями.

Среди тех костяшек наши лупоглазы, ну те учённые-дрючённые, которых отправили вместе с нами, нашли что-то особенное. Радовались как дети, целовались, чуть не плакали от счастья. Вот людям счастье в жизни – нашёл пару древних костей какой-то твари и герой на всю жизнь.

На деле же аниматоры оказались плохими вояками. Скелеты рассыпались рядом с антимагами, а их среди нас было больше полусотни. Остальные войска местных никуда не годились, так, вчерашние фермеры и разное отребье.

Шли мы по этим землям две декады. У аниматоров в ходу рабство, а ещё в хозяйстве они используют тех же самых скелетов. Пока мы шли через их страну, я успел насмотреться на скелетов с мотыгами. Из рабов там частенько делают закенов. Живого человека убивают, заменяют кровь какой-то гадостью и оживляют. Жуткие твари и ваша антимагия их не берёт, хорошо, что их совсем немного было.

Простой люд там какой-то странный. Не поверите, но тех магов-аниматоров они чуть ли не за богов держат. Те из них верёвки вяют и всякие гадости богопротивные вытворяют, а люди им в храмах молятся, себя в жертву предлагают. Сплошная мерзость.

Вначале мы разбили их первую армию. Тысяч двадцать человек и орда нежити. Потерь среди нас почти не было, меньше сотни. Вояки, как я уже говорил, они никудышные. Аниматоры попрятались в свои замки, штурмовать мы их не стали. У нас был другой приказ. Мы двигались дальше, к Великим горам.

Когда дошли до предгорий, на нас напала вторая армия. Около ста тысяч людей, раза в два больше скелетов и несколько сотен закенов. Толпа большая, а толку мало. Наш военачальник, Страж Викос, покоя ему на той стороне, разместил наши порядки в начале горного перевала, ширина между двумя стенами ущелья не превышала полмили.

Они подымались по склону, осыпаемые дротиками и стрелами, и натыкались на стену из щитов и копий. Так мы развлекались почти двое суток. Защищать такую узкую горловину не составляло труда, резервов хватало, и Викос заменял передовую линию каждые два часа. Аниматоры потеряли около двадцати тысяч людей, почти всю нежить и отступили. Наши потери составили две с половиной сотни. Склон горы был устлан человеческими телами вперемешку с костями.

Мы собрали трупы чужаков и скелеты в большие кучи и сожгли, чтобы не оставлять свежий материал для аниматоров. На это ушло почти целые сутки. Тела своих павших мы забрали с собой, решив похоронить их где-нибудь в горах. И пошли дальше горными тропами.

Те горы не зря называют Великими. Пики такой высоты, что вершин даже и не видно за облаками. Бывал я возле гор Западного Предела, так те восточным и в подмётки не годятся. Одно радовало, местные дикари были почиже западных горцев.

Они пару раз напали на нас. Метали копыя и скатывали камни нам на головы. Но получив по зубам, пришли мириться. Мы преподнесли местному царьку сотню мечей, десятка два комплекта доспехов и кучу всяких дрянных побрякушек – всё, что было не жалко. Вождь, старый пердун в дурацкой шапке и меховой шубе, был на седьмом небе от подвалившего счастья.

Так что по горам мы прошли с относительным комфортом, если не считать одного обвала, который унёс жизни тридцати людей. С ними погиб и первый Страж среди нас, по-моему, его звали Сантос, или что-то вроде этого. Он командовал когортой в Седьмом легионе. Потом Стражей погибло намного больше. Мне кажется, что Императора это разозлило сильнее всего. Очень уж вы, антимаги, ценный товар.

Полторы декады мы потратили на переход через горы. Прошли бы ещё быстрее, но три дня простояли лагерем возле горного озера. Отдыхали, торговали с местными, пополняли

запасы, лечили раненных. Воздух там, я вам скажу, как поцелуй молодой девки, хочется ещё и ещё. На семнадцатый день мы вышли на равнины.

Разница, как между небом и землёй. Высоченные горы, перевалы, ущелья такие, что и дна не видать, горные реки, водопады. А потом бах, и ровная как стол степь. Ни холма, ни дерева, только трава зелёным ковром, местами выше человеческого роста.

Зверье там странное, у нас такого нет. Какие-то трёхрогие лошади, без хвостов и с длинными ногами. Зверьки размером с кошку, только все в чешуе. Двухметровые хищные ящеры, те ещё твари, им порвать человека, что мне курицу разделать. Жуки по полметра в длину, птицы размером с меня, всяких чудес хватало. Наши лупоглазы чуть с ума не посходили, бегали по равнине как ошпаренные, пену со рта от счастья пускали.

Но самое большое чудо – это стада мороготов. Так их кто-то из лупоглазиков назвал. Мол, такие животные и у нас были, только вымерли давно. Ну, у нас-то вымерли, а там их тьма тьмущая.

Взрослый самец-морогот вырастает до трёх метров в холке, метров пять в длину и больше десяти тонн весом. Страшная махина. Всё тело в костяных пластинах и шипах, только на брюхе толстая кожа. Но брюхо возле самой земли, да и кожа такая толстая, что копьём не пробить. Два шипа метровой длины растут из загривка и торчат над головой как рога. Самки раза в три поменьше будут, да и брони на них почти нет, зато гораздо резвее и злобней самцов.

Стада этих тварей бродят по всей равнине, жрут траву и топчут всё на своём пути. Один раз мы почти полдня шли мимо такого стада. Сколько там голов было, не знаю, я до столько считать не умею.

Шёл четвёртый день нашего похода по равнине, когда мы встретили первых туземцев. Трое всадников на самках мороготов. Мы попытались завязать с ними контакт, но они держались на приличном расстоянии и отъезжали дальше, как только кто-то из нас приближался к ним. Лошадей у нас не было, так что догнать мы их не могли. Всадники сопровождали нашу армию целый день, а потом ускакали прочь.

На шестой день мы вышли к покинутой стоянке большого лагеря. Следопыты облазили его вдоль и поперёк, разведчики прочесали всю местность на несколько миль вокруг. Никого. По размерам лагеря, следам и количеству мест для шатров выходило, что там было тысячи две-три людей и около тысячи мороготов. Туземцы использовали их как домашних животных.

Мы пошли дальше. Разведчики докладывали о небольших группах дикарей, до десяти человек, которые на своих тварях постоянно крутились вокруг нас.

Поход по равнине продолжался ещё дюжину дней. Мы прошли мимо двух покинутых стоянок, одна из них была совсем большой, тысяч на десять человек. До побережья оставалось четыреста миль неразведанной территории. На картах это было сплошное белое пятно.

На семнадцатый день пути по степи на нас напали. Разведчики прибежали ночью и доложили, что на север от нас, милях в десяти, расположилась огромная орда туземцев. Сколько – неизвестно. Викас поднял всех на ноги, и мы начали строить защитный периметр вокруг лагеря.

За шесть часов мы успели выкопать сплошной ров с милю в диаметре, глубиной три метра и шириной в четыре. За рвом возвели насыпь из выкопанной земли. Мы продолжали углублять траншею, когда почувствовали дрожь земли. Горнисты протрубили сбор, солдаты вылезли из рва, побросали лопаты и надели доспехи. Невыспавшиеся, уставшие, мы выстроили порядки вдоль насыпи и стали ждать.

Дрожь земли нарастала, вскоре послышался монотонный гул. На горизонте, вместе с первыми лучами восходящего солнца, показалась орда туземцев. Около тридцати тысяч всадников на самках мороготов и почти столько же самцов, бежавших впереди орды. Всадники были вооружены пиками, до четырёх метров в длину, и метательными копьями. Их копья были легче

и длиннее наших пилумов. Метали их с помощью специальной палки с выемкой на конце. Дикари могли поражать цель такими копьями метров за семьдесят.

Лавина огромных туш приближалась. Впереди бежали самцы без всадников на спинах. Тяжёлая пехота стояла вдоль насыпи, держа наготове щиты и копья, сзади натянули луки лёгкие манипулы. Прозвучал сигнал, над нашими головами поднялась туча стрел и упала на врага. В ответ они метнули свои копья. Мы подняли щиты, и дождь из дерева и железа забарабанил по ним.

Наши стрелы были для самцов-мороготов, что слону дробинка, зато всадникам и самкам пришлось несладко. Несколько сотен легко одетых дикарей послетали со своих сёдел. Раненные самки пришли в ярость и начали крушить всё вокруг. Услышав крики самок, самцы взревели от ярости. Первые десятитонные туши обрушились на ров и упали вниз, другие по их спинам, раздирая животы об шипы своих же сородичей, полезли на вал.

Мы начали бить их копьями, но толстая костяная пластина на лбу надёжно защищала их головы, глаза располагались по бокам черепа, попасть в них было очень трудно. Единственный действенный метод был сбрасывать их с вала назад. По пять, по шесть человек, мы упирались щитами в их туши и сталкивали их вниз.

Разъярённые мороготы мотали головами, круша своими передними шипами нашу броню как скорлупу. Закованные в сталь тела пёрышками взлетали в воздух. Стоял такой рёв, что аж уши позакладывало. Десятка три самцов прорвали нашу переднюю линию в нескольких местах и перебрались через вал.

Получив пространство для разбега, они начали давить людей, носясь по лагерю как катки. Солдаты били их копьями, стараясь попасть в глаза и промежутки между костяными пластинами. Я видел как трибун нашей когорты, Страж Ринал, пробил голову твари одним ударом копья в глаз и прикончил её.

Дикари продолжали забрасывать нас копьями, наши лучники тоже не сидели без дела, воздух то и дело рассекали их залпы. Перед земляным валом образовался второй – из туш мороготов.

Атаковать дальше стало невозможно и они отступили. Загудели рога, орда развернулась и начала уходить, самцы послушно развернулись и потрусили следом. Только некоторые из них продолжали в ярости бросаться на нас. Лучники выбежали на вал и стреляли дикарям вдогонку. Прорвавшихся внутрь тварей наконец-то добились.

Мы перевели дух и подсчитали потери. Тяжелой пехоты погибло около двух тысяч, лёгкие манипулы недосчитались около полутора тысяч. В тот день погиб мой отец, морогот насадил его на передний шип как бабочку, не помогла и броня.

Всадники так и не добрались до нашего вала, но стрелы собрали хороший урожай среди них, да и собственные обезумевшие зверюги подавили многих из них. Около трёх тысяч дикарей в кожаных юбках остались лежать на поле, компанию им составили две тысячи мороготов. До самого вечера мы добивали их, даже искалеченные и умирающие самцы представляли серьёзную угрозу.

Мы взяли в плен несколько раненных туземцев, оставшихся на поле боя. Правда, толку от них не было никакого. Их кваканье не мог понять никто, даже лупоглазые.

На следующий день к дикарям подошло подкрепление, ещё около десяти тысяч всадников и столько же самцов-мороготов. Мы расширили ров до шести метров и углубили до пяти. Насыпь выросла до семи с половиной метров. Викос также приказал срезать шипованные пластины с трюпов самцов и разместить их на передней стенке вала.

Через два дня они напали на нас снова, в этот раз с двух противоположных сторон. Теперь наши укрепления были гораздо лучше, и мы отбили атаку почти без потерь. Проблема была в другом. Сколько нас могли держать в осаде – не знал никто. Еды нам хватало, мясо мороготов оказалось съедобным, даже вкусным. Мы могли засолить и закоптить его хоть на год вперёд.

Вода у нас тоже была, на территории лагеря вырыли три колодца. Но мы не могли сидеть тут вечно. Выйти же в чистое поле против этой орды – самоубийство.

Ещё пять дней наша армия просидела в том лагере. Варвары больше не совались, но никуда и не уходили. Ждали пока мы сами выйдем.

Викос приказал срезать костяные пластины с туш мороготов и делать из них ежи. Мы связывали пять-шесть штук в кучу, а спереди цепляли шейную пластину с двумя метровыми шипами. Внизу мы прикрепляли самые большие ребра из костяка, делая что-то вроде салазок. Получались здоровенные конструкции, высотой в человеческий рост. Тянуть их по земле могли только по трое человек.

Остатки туш начали гнить, больше оставаться в лагере мы не могли. Викос собрал военный совет и было принято решение возвращаться назад. Все вздохнули облегчённо, даже лупоглазикам больше не хотелось новых открытий. Кстати, они заметили, что у мороготов очень плохое ночное зрение, в темноте от них не было никакого толку. Передвигаться решили по ночам.

Мы покинули лагерь вечером с последними лучами солнца. Почти всю ночь мы тянули ежи и прошли двенадцать миль, а под утро принялись вновь обустроить защитный периметр. С первыми лучами солнца на нас снова напали дикари. Ежи сделали своё дело, самцы мороготов напарывались на них своим незащищенным животом, и вскоре перед нашим строем образовалась целая куча раненых и мёртвых, ревущих от боли и нападающих друг на друга тварей. Атака захлебнулась. Дождавшись вечера, армия тронулась дальше.

Больше трёх декад мы шли назад к горам. По ночам тянули эти проклятые ежи, днём отсыпались и отбивали атаки варваров. Они поменяли тактику. На нас уже не гнали стадо самцов. Всадники на самках кружились вокруг нас отрядами по три-четыре десятка человек, забрасывали нас копьями и сразу отступали. Мы отвечали им стрелами. Кавалерии у нас не было, поэтому ничего больше мы сделать не могли.

Наша армия таяла на глазах, каждый день погибало несколько сотен людей. Варвары тоже теряли своих, но никак не успокаивались и гнали нас до самых предгорий. Когда мы покинули равнины, оставив дикарям на память проклятые ежи, нас было чуть больше половины. Из двадцати пяти тысяч легионеров и десяти тысяч сопровождения до гор дошли меньше двадцати.

В горах нас ждал ещё один сюрприз. Местные сволочи решили что наших подачек мало и захотели забрать себе всё. Они неплохо подготовились. Обвал за обвалом, постоянно летящие сверху копьё и камни. Нам пришлось ой как несладко, а мы ещё собирались передохнуть. Какой там.

Горцы атаквали и днём и ночью, один раз им удалось затопить водой ущелье, в которое мы вошли. Утонуло с полтысячи людей. Мы вырезали несколько их поселений и они чуть успокоились. Когда армия вышла из гор, нас оставалось меньше тринадцати тысяч, из них одиннадцать тысяч солдат. На переход мы потратили пятнадцать дней.

В горах погиб Викос, новым военачальником выбрали Лирия, легата Седьмого легиона. К тому времени, из пятидесяти восьми Стражей, с нами в живых осталось только двадцать два. Погибшим – покоя на той стороне, выжившим – всех благ тут. Если б не антимаги, не дошли бы мы домой, не сидел бы я сейчас тут и байки не травил бы.

До того проклятого похода я вас больше боялся, после – уважение добавилось. Один Страж в бою стоит десятка три простых солдат, сильны немеряно и быстрые как молнии. Да и командиры из вас толковые, не зря вас в Академии по пятнадцать лет штаны заставляют просяживать. А про то, что магов можете как блоху ногтём, то даже и говорить не надо. Империя без вас вовсе и не Империей была бы. Думаете, я вам просто зад лижу? Что есть то и говорю.

Земли аниматоров мы пересекли быстрым маршем, не разбивая лагерей и отдыхая ночью всего по шесть часов. Они собрали армию, но мы смогли уйти от неё. Несколько отрядов кавал-

лерии догнали нас, но нападать не решились. Погода испортилась, всё время шли проливные дожди.

Мы подошли к Мёртвым топям, аниматоры наседали на пятки. В прошлый раз, когда мы пересекали эти болота, всё было по-другому. Было время на подготовку, погода стояла сухая, разведчики обшарили топи вдоль и поперёк. Теперь же уровень воды поднялся, старых бродов мы не нашли.

Мы вломились, как пьяный папаша в сени после трактира, и здорово поплатились за это. Дождь лил как из ведра, твёрдой земли почти не осталось, да и ту твёрдой я так назвал, по привычке. Местами нужно было плыть по полчаса. Доспехи и оружие пришлось оставить на одном острове, потом их через девять декад забрали.

Много тогда людей утонуло в воде и в болотной жиже. Для меня это самая страшная смерть, лучше уж мечом в брюхо. Когда мы уже почти дошли, разразилась такая буря, что мама не горюй. Словом, выбрались мы с тех болот мокрые, полуживые, ободранные и безоружные. Не армия, а толпа голодранцев.

Назад, на имперскую землю, вернулись меньше восьми тысяч легионеров, восемьсот человек сопровождающих и двадцать один Страж. До восточного побережья мы так и не добрались. Что дальше было, сами знаете. Вот вам и весь рассказ.

Глава 5.

Дорога стала получше и я перебрался на своего коня. Два легионера в телеге бросили играть в карты и делились воспоминаниями о прошлых кампаниях. Сержант изредка вставлял саркастические фразы. Я размышлял о его рассказе. Умник беспокойно шевелился внутри, как голодная собака, почуявшая запах мяса. Новая информация всегда возбуждала его.

Стоило чуть прикрыть глаза, отодвинуть своё собственное Я, и вот он – Образ Умника. Мир сразу превратился в огромное дерево с логическими ветвями-цепочками и плодами-фактами на них. Новые ветви стали вырастать со скоростью света, переплетаясь со старыми и рождая новые плоды. Всего пару десятков секунд и я остановил Умника, не желая больше нагружать свой разум. Он ушёл, оставив в моей голове интересные выводы и боль. Я невольно поморщился и потёр пальцами ноющие виски. Всегда так.

Лекарь пришёл почти незваным, наполнив сознание своим недовольством. Он очень не любил когда телу наносили какой-то вред. Вскоре боль сменилась лёгкой расслабленностью, от контраста у меня даже повысилось настроение.

Этим летом вернулся из командировки мой бывший однокашник, Рикос Вередел. Как то в одной из припортовых таверн Крайканы, будучи сильно выпившим, он полушепотом, путая слова и икая, рассказал куда ездил.

В трёхстах милях от столицы, в уединённой и крепко охраняемой долине, организовали ферму. Три года назад туда завезли полсотни телят странной, невиданной породы. За это время они сильно подросли, тёлки так себе, а бычки набрали по шесть-семь тонн веса и покрылись костяными пластинами с шипами. Летом появился первый приплод.

Подозреваю, что это и есть мороготы с восточных равнин. Если удастся вырастить их в нашей местности, то наступит новая волна экспансии, я уверен в этом. Стоит усилить природную броню мороготов-самцов сталью, и мало какая армия сможет противостоять им.

А ещё последние перемещения легионов по Империи указывают та то, что вскоре девять из них окажутся на восточной границе, в провинции Караган. Возле самых Мёртвых топей. Построят дорогу через топи – государству аниматоров конец. Судя по словам сержанта, противостоять имперским легионам они не смогут. Так что зря он думает, что люди умерли ни за что.

Сержант окликнул меня и указал пальцем вперёд. Мы приближались к поместью барона. Кровавый холм, довольно большой. Дорога петляла между холмов поменьше и поднималась к постройкам наверху.

– А отчего холм называют Кровавым? – спросил я у него.

– *Пятый день девятой декады двести тридцать ...*

– *Заткнись, – оборвал я начавшего бубнить Умника.*

– Да лет триста назад там Пятый легион отбивался от кочевников. Положили тогда несколько тысяч варваров, – ответил сержант, – о, смотрите, нас заметили.

Вверх по склону холма, за полмили от нас, бежали три человека. Они то и дело оглядывались назад и тыкали пальцами в нашем направлении. Всю вершину холма охватывал каменный забор, дорогу преграждали ворота. Бегуны добрались до забора, их впустили, ворота снова закрылись.

– Не слишком тёплый приём, – сказал я.

– Я же говорил – будет драка, – сержант щёлкнул кнутом, подгоняя лошадей.

Легионеры в повозке надели шлемы, достали щиты, копья и дротики. Мы доехали до холма и начали подниматься в гору. Я рассматривал забор. Явно выше двух метров, барон нарушает параграф о запрете постройки укреплений гражданскими лицами. Ясно куда смотрит префект – в зад барону. Сержант прав.

По обеим сторонам ворот стояли вышки. На одной из них стоял бородатый мужик в шлеме и кожаном доспехе. Когда мы подъехали, на вышки взобралось ещё четверо человек, один составил компанию бородатому, трое влезли на другую.

Сержант остановил повозку в двадцати метрах от ворот, я натянул поводья и остановил своего коня рядом.

– Кто такие? – бородатый высунулся по пояс, разглядывая нас.

Я дал знак. Трое легионеров слезли с повозки и выстроились в ряд, держа щиты и дротики в руках. Копья они прицепили к спинам в специальные зажимы.

– Судья-исполнитель первого ранга Чёрной Канцелярии, Никон Кроуд. Требую открыть ворота и впустить меня внутрь, – сказал я.

Мужик почесал бороду большим пальцем и ухмыльнулся. Ещё двое поднялись к нему на вышку. Все они были в шлемах и с луками в руках.

– Требуется он. Зря вы в такую даль припёрлись, не велено вас пущать, – сказал он.

– За оказание сопротивления всех вас ждут исправительные работы, если повезёт. Может и не повезти, – я достал из-за спины меч палача, пару раз взмахнул им и засунул назад в ножны. Исполнитель гудел, рассекая воздух. Довольно неприятный звук.

Он расхохотался, деланно вытирая слёзы руками. Затем оглянулся на других.

– Слышите, ребята? Нам может не повезти. А может и повезти. Как удача повернётся. А вы, господин судья-исполнитель, как, на удачу не жалуетесь?

– У тебя слишком длинный язык. Как бы это всё не закончилось – ты заплатишь за неуважение.

– Какое неуважение? Очень даже уважаю. А теперь залазьте назад в свою телегу и катитесь в город. Со всем уважением, – бородач сложил руки на груди и нагло уставился на меня.

– Смотри, Груд, играешь с огнём, – сказал сержант из-за моей спины.

– Ты меня, Вио, не учи. Мне барон деньги платит, ему и указывать, – ответил мужик.

Странно, но я до сих пор не разозлился. Может быть, потому что ожидал такого? Ладно, попробую в последний раз.

– Сходи к барону. Скажешь ему: даю десять минут, если через это время ворота не откроют – я войду сам и убью всех, кто будет держать оружие в руках.

Он опять расхохотался. Какой весельчак.

– А если они будут не только держать оружие, но и чего-нибудь вам сделают? Этим самым оружием? – бородач поднял лук и постучал им по своему шлему, – больно ведь будет. А к барону я не пойду. Чего лишний раз таскаться? Он ясно сказал – всяких проходимцев не пущать. А то украдут ещё чего.

Всё. Поговорили и хватит. Я выхватил кинжал и метнул его в наглеца. Он не успел даже дёрнуться, лезвие пробило шею и по рукоятку вошло в бороду. Тело перевалилось через край и упало вниз. Легионеры метнули дротики, я пришпорил коня, чтобы подъехать к забору и уйти из зоны обстрела.

Два дротика попали в цели, в ответ выстрелили лучники. Я уклонился от одной стрелы, остальные и так летели мимо, и подскакал к воротам. Теперь они не могли попасть в меня. За спиной я услышал, как стальные наконечники стрел защёлкали по щитам легионеров.

Я оглянулся на солдат. Они наглухо прикрылись щитами и тоже шли к воротам. Одна из запряженных в повозку лошадей встала на задние ноги и била передними копытами воздух. Из её плеча торчала стрела. Вторая лошадь в испуге рвала упряжь, пытаясь освободиться. Я подъехал вплотную к забору возле правой вышки и прикинул высоту. Должен достать. Встал ногами на седло, подпрыгнул вверх метра на полтора, уцепился за край, подтянулся и взобрался на забор.

Внизу, по другую сторону, никого не было. Только вдалеке, возле главной постройки, копошились люди. Стрелки на вышках меня не заметили, продолжая стрелять в легионеров. Я спрыгнул вниз, с четырёхметровой высоты, и поднялся по лестнице на вышку.

Двое лучников стояли у бойниц, третий лежал на боку без движения, в его груди торчал дротик. Я достал палаш. Один из стоявших что-то услышал и начал поворачиваться в мою сторону. Не успел. Я ударил его остриём в висок. Сила удара вытолкнула человека наружу и он с воплем полетел вниз. Рубящий удар наискось сверху вниз. Второе тело упало на пол с перерубленным позвоночником.

Меня заметили на другой вышке. Я пригнулся, стрела пролетела над моей головой и вонзилась в деревянную балку. Там их осталось двоё. Я приподнял голову и сразу опустил. Одна стрела ударила в стену вышки, вторая пролетела выше. Точно двое. Я метнул кинжал и снова спрятался. Кажется, попал в голову. По крайней мере, на этот раз одна стрела.

Я приложил пальцы к шее тела с дротиком в груди. Мёртв. Не церемонясь, я упёрся ногой в труп и выдернул дротик. Затем встал. Лучник на противоположной вышке выстрелил в меня. Я поймал стрелу в воздухе и отбросил в сторону. С такого расстояния мне было видно, как расширились его глаза. Я метнул дротик. Вот и всё. Хотя вторую вышку проверить не помешает.

Я спустился вниз, снял брус, запирающий ворота, и открыл одну створку. Внутри сразу же вломились трое легионеров, гремя доспехами и ругаясь на чём свет стоит.

– ... его мать, доберусь до барона, пожалеет что сына своего на свет родила, – сказал сержант.

– Кого-то из вас задела? – спросил я.

Легионеры отрицательно покачали головами.

– Проверьте там и принесите мой кинжал, – я ткнул пальцем в сторону левой вышки и вышел наружу, чтобы привязать лошадь к воротам и забрать второй кинжал.

Когда я выдернул лезвие из бородача и вытер его, с вышки высунулся Галлий.

– Тут все уже на той стороне, – сказал он.

– Кинжал нашёл? – спросил я.

– Да, – он бросил его, кинжал перевернулся в воздухе и вонзился в землю.

Я вошёл через ворота, вставляя кинжалы в ножны. Поместье занимало всю вершину холма, около мили в длину и почти столько же в ширину. За стенами располагались разные постройки: амбары, склады, конюшни, жилые дома и чёрт его знает что ещё. Дорога вела от ворот прямо к главному зданию, высокому, трёхэтажному, с островерхой крышей, крытой черепицей. Перед входом уже собралась приличная толпа людей, человек сорок.

– Ну что, продолжим? – спросил я.

Сержант покачал головой.

– Не знаю, откуда у них столько смелости набралось. Они всерьёз собираются драться с нами. Эти, – он ткнул пальцем за спину, – хоть воинами были. Дерьмовыми, но воинами. А там одни слуги, – он сплюнул себе под ноги, – даже стыдно таких под меч пускать.

Мы не спеша пошли вперёд, легионеры держали щиты поднятыми и крутили головами в разные стороны, опасаясь внезапного нападения. Честно говоря, я тоже был удивлён. Такого сопротивления я не ожидал. Что они собираются делать дальше? Убить меня? Это смертный приговор для них всех. Мужчинам, женщинам, детям, старикам. Всем. Почему они взяли за мечи? Слово барона так много значит для них? Не могу понять.

Мы подошли к главному зданию. Перед входом стояло четыре десятка мужчин, кто в кожаных доспехах и шлемах, кто просто в одежде. Одни сжимали в руках мечи и копья, у других были топоры, вилы и палки. Пара здоровенных детин в кожаных фартуках, один постарше, другой помоложе, держали кузнечные молоты. У некоторых на лицах читалась решимость,

но большинство всё же испытывало страх. Они выстроились в некоторое подобие строя. Ни барона, ни его сына среди них не было.

Я остановил наш отряд в тридцати метрах от людей барона и сделал сам ещё несколько шагов вперёд. Затем остановился и начал разглядывать их всех по очереди, стараясь встретиться взглядами. Люди отводили глаза, неловко топтались на месте, сжимая в руках оружие. Я решил воспользоваться Голосом. Поймал Фокус, направил его в голосовые связки и почувствовал как они напряглись.

– Ну и? Собираетесь напасть на представителя Императора? Знаете. Что. С вами. За это. Будет? – звук моего голоса бил по барабанным перепонкам, отражался от стен, и снова бил в их уши как набат.

Толпа попятилась на пару метров назад. Створки окна на третьем этаже открылись, и в оконном проёме появилась фигура барона.

– Не слушайте его! – крикнул он. – Это, проклятый, сын Чёрного. Само его присутствие отравляет ваши души. Не смотрите ему в глаза, не вслушивайтесь в его голос. Вы заболеете и умрёте. Ваши жёны, дети – все умрут. Защитите свои семьи, прогоните его...

Голос барона визгливым фальцетом разносился по двору. Толпа стряхнула оцепенение и подалась вперёд. Я заложил большие пальцы за ремень и рассматривал этого оратора-недоделка. Он собирается расплатиться за собственную глупость жизнями этих баранов. Я убью его только за одно это, как бы ни пошли дела дальше.

– Кончайте ломать комедию, барон, я окинул взглядом толпу. – Мне не нужны ваши жизни и души. Мне нужен сын барона и его друзья. Для допроса по делу, которое я веду. Так же, мне нужен барон. Те, кто оказал сопротивление возле ворот, теперь мертвы. За это он должен ответить лично, а не его слуги.

– Убийца! – завизжал этот боров. – Он убил их. Он убьёт всех. Не слушайте его. Убейте его!

Я почувствовал нарождающееся искажение. Барон готовил заклинание. Оказывается, он тоже маг. Почему я не спросил об этом у сержанта раньше? Впрочем, неважно. Участь сына ничему не научила отца. Я подавил искажение и рассмеялся.

– Да вы просто дурак, барон. Ладно, фарс закончен. Всем разойтись, – я воспользовался Голосом и повторил, – всем разойтись!

Толпа снова попятилась назад. В этот момент из-за их спин вылетела стрела, свистнула мимо меня и попала в кого-то из легионеров. В ответ полетели три дротика. Два дротика попали в животы людей из переднего ряда, третий пролетел навесом и попал в кого-то сзади. Люди закричали, кто от страха, кто от боли, а кто от ярости, и двинулись на нас.

Я выхватил палаш, увернулся от тычка копьём и перерубил древко. Снова искажение. Я отступил назад, за щиты солдат и подавил нарождающееся заклинание. Ну, гад, подожди, я до тебя доберусь. Легионеры оттолкнули щитами первый ряд нападающих и ударили вслед копьями. В образовавшееся пространство упало два тела.

– Держите оборону, – крикнул я и побежал, огибая толпу справа.

Навстречу мне выскочил кузнец. Я увернулся от пролетающего молота и услышал как он гупнул позади меня об землю. Удар ногой и кузнец упал на землю рядом с молотом. Нужно двигаться, пока меня не окружили. В меня полетели два копья, я увернулся от них на бегу. Преодолев оставшиеся тридцать метров секунды за три, я прыгнул в окно первого этажа, разбив стекло, и кубарем покатился по полу. Хорошо хоть решётки на окне не было.

Комната пустовала. Какая-то каморка с мешками и ящиками на полу и вдоль стен. Я выбил дверь ногой и вышел из комнаты. Никого. Длинный коридор и закрытые двери. Я двинулся вправо, высматривая лестницу наверх. Вот и она. Я поднялся на второй этаж. Такой же коридор, как и на первом этаже. Лестницы дальше не было. Дурацкая планировка. Одна из дверей открылась, из неё выглянул мальчик лет восьми. Я метнулся к нему.

– Где лестница на третий этаж? – спросил я.

Мальчик молча указал пальцем влево и закрыл дверь. Я пробежал по коридору около двадцати метров и нашёл лестницу. Третий этаж. Коридор обставлен побогаче, ковёр на полу, на стенах картины. В противоположном конце коридора, там где должна была находиться комната барона, стояли двое.

Один – длинный, худой, с лошадиным лицом, держал в руке двуручный фламберг. Второй – коренастый, приземистый, с круглым щитом и коротким мечом. Оба в шлемах и пластинчатых полулатах.

Секундная задержка и Образ Мастера наполнил меня холодом и огнём. Время потекло как тягучий мёд, мир стал проще и чётче.

Не раздумывая, я выхватил два кинжала и метнул их, один за другим. Долговязый успел уклониться и кинжал пролетел мимо его уха. Второй кинжал летел в грудь коренастого. Тот выставил щит, кинжал попал в самую середину и пробил щит вместе с его левой рукой. Воин взвыл от боли.

Я уже бежал к ним и вытянул палаш на ходу. Длинный сделал два шага вперёд и крутнул своим двуручем над головой, метя мне в шею. Я пригнулся, фламберг пронёсся надо мной и потянул за собой своего хозяина. Зачем брать оружие, с которым ты не умеешь обращаться? Удар снизу вверх и он повис на моём палаше как бабочка на булавке, острие пробило нагрудную пластину и вышло из спины.

Я не успел выдернуть палаш, когда на меня набросился второй. Его левая рука свисала вдоль туловища вместе с пришипленным к ней щитом. В правой он сжимал короткий, широкий меч. Я отпустил рукоятку палаша и едва успел отклониться назад, когда широкий клинок рассёк воздух возле моего подбородка. Я пнул носком сапога в край щита. Он закричал от боли, отступил назад, развернулся и побежал прочь по коридору.

Мой кинжал! Эта скотина убегает вместе с ним. Я погнался следом, добежал до места, где лежал второй кинжал, подхватил его и метнул в удаляющуюся спину. Вот и всё, Мастер ушёл. Он никогда не задерживался долго после конца драки. Не видел смысла. Мир снова стал цветным.

Я подошёл к бьющемуся в конвульсиях телу, выдернул один кинжал из хребта, второй из щита и засунул их в ножны. Вернулся к трупам высокого воина, вытянул из тела свой палаш и толкнул дверь.

В роскошно обставленной комнате, возле открытого окна, я увидел барона. Он стоял лицом ко мне, закрыв глаза и сложив руки домиком перед своей красной рожей. Я почувствовал очередное искажение. Ну что за идиот? Сколько раз можно об один и тот же столб головой биться?

На этот раз я не стал подавлять заклинание в зародыше. Я дождался, пока он накопит энергию, и искажение затрепешет как флаг на ветру. А затем заблокировал его. Барон открыл глаза, красные от нахлынувшей крови. Тёмная струйка побежала из его ноздри по губам, подбородку, шее и дальше под кружевной воротник. Он пытался сдержать силу, накопленную в его теле. Но это было невозможно.

Барон открыл рот, собираясь закричать, но смог лишь прохрипеть. Из его глотки хлынула кровь вперемешку с хлопьями пены. Его тело начало гореть изнутри. Странное зрелище. Язычки пламени заплясали по его рукам и лицу. Волосы на голове начали скручиваться и дымить. Лицо исказила ужасная гримаса. Из-под одежды и из открытых участков тела повалил пар. Кожа стала покрываться огромными волдырями, которые сразу же трескались, выплёскивая пузырящуюся жидкость. Он сначала упал на колени, а затем завалился на бок.

Запахло отвратительным смрадом. Я прикрыл нос воротником и подошёл к трупу. Никогда до этого не блокировал почти завершённое заклинание. Читал описания, слышал рассказы,

но сам попробовал впервые. Впечатления не из приятных, лучше бы я его просто прирезал. Я оттолкнул труп ногой и выглянул из окна.

На правом краю двора стояло г-образное деревянное здание. Легионеры держали оборону в углу буквы г. Один из них, Галлий или Гус, лежал на земле. Двое других стояли над ним, подняв щиты, и били копьями любого, кто приближался к ним. По двору валялось с десяток тел. Основная группа нападающих собралась перед тяжёлыми пехотинцами. Я настроился на Голос и крикнул:

– Всем стоять!

Люди начали оглядываться по сторонам, несколько человек подняли головы и уставились на меня. Я задержал дыхание, схватил тело барона за воротник и пояс, поднапрягся и вытолкнул его из окна как можно сильнее. И им будет на что посмотреть, и мне дышать легче. Тело пролетело метров шесть вперёд и упало на землю перед входом в здание.

– Это ваш хозяин. Кто не хочет отправиться вместе с ним на другую сторону – бросает оружие. Остальных я убью лично.

Я вскочил на подоконник и спрыгнул вниз. Метров восемь до земли, высокогато конечно, но чего не сделаешь ради публики. Мои сапоги ушли в утрамбованную землю двора сантиметра на два. Я подошёл к телу барона и пнул его ногой. Ну и вонь. Вытащил Исполнителя из-за спины и направил его в сторону толпы.

– Жду десять секунд.

Мои кривляния принесли должный эффект. Сначала один человек, потом другой, третий. Люди оглядывались в растерянности друг на друга и бросали своё оружие на землю. Сержант и оставшийся на ногах легионер, безбожно матерясь, толчками щитов отогнали их подальше от оружия, сбили в кучу и заставили сесть на землю. Они напомнили мне овчарок, загоняющих стадо овец.

Я пересчитал сидящих по головам. Двадцать восемь. Испуганные лица, опущенные головы. Ещё тринадцать тел лежало на земле в разных местах двора.

Из-за угла конюшни выбежали несколько женщин и остановились, разглядывая место сражения. Одна из них, лет пятидесяти, с проседью в волосах, заголосила и бросилась к телу, лежавшему в пяти метрах от меня.

– Стоять! – крикнул я, и женщина отшатнулась, – в поместье есть лекарь?

– Это мой сынок...

– Лекарь есть?

– Есть, старый Марф. Пустите меня, господин, кровинушка моя, сыночек, – она сделала шаг к телу.

Я заметил, как подымалась и опускалась грудь её сына. Он ещё был жив.

– Ему нужен лекарь, а не ты. Найдите его. Быстро! – рявкнул я.

Женщины побежали искать лекаря. Я подошёл к легионерам. Они стояли, опёршись на копьё, лицом к толпе и спиной ко мне.

– Кто там лежит, Гус или Галлий? – спросил я.

– Галлий, – ответил Гус и поднял забрало шлема. Его лицо блестело от пота.

– Что с ним?

– Да вот этот, – Гус указал копьём на молодого кузнеца, – бочку в него кинул. Галлий прикрылся и край щита ударил его по голове.

Кузнец сидел на земле и баюкал раненную руку. Голову он не поднял. Я подошёл к лежащему телу Галлия, стянул с него шлем и приложил руку к шее. Живой. Вся левая половина лица легионера заплыла, старые шрамы белыми полосками проступали на опухоли. Я ощупал шею – не сломана. Оттянул веко правого глаза, тут он очнулся и сам открыл глаза. Я помог ему сесть.

– Как себя чувствуешь? – спросил я.

– Как задница Чёрного после низвержения, – ответил он, взял шлем с земли и приложил его к опухоли.

Я оставил Галлия сидеть, прислонившись к стене, и подошёл к сержанту.

– Жить будет, – ответил я на его немой вопрос.

– А что с этими делать? – сержант кивнул в сторону сидевших на земле людей.

– Для начала свяжите им всем руки, – ответил я.

Сержант кивнул Гусу, тот пошёл в конюшню и через минуту вышел с мотком верёвки в руке. Минут за сорок два легионера связали руки всем пленным. Те даже и не думали сопротивляться. Их вытаскивали по одному из толпы, укладывали на живот и стягивали руки за спиной.

Тем временем пришёл лекарь, старённый мужичок с белым одуванчиком седых волос на голове. Он начал осматривать лежащие тела и указывать на тех, кому ещё можно было помочь. Женщины относили выживших в дом.

Я стоял, наблюдал за всем этим и размышлял. Их нужно наказать. Но сначала расследование. Дождавшись, пока свяжут всех, я спросил:

– Кто из вас тут главный?

В ответ тишина.

– Да вон, Ринон, управляющий, – сержант указал пальцем на худощавого мужчину в кожаных доспехах.

Я подошёл к управляющему, схватил за ворот доспеха, вытащил из толпы, одним рывком поднял его на ноги и отвесил ему оплеуху. Ноги Ринона подкосились, но я не дал ему упасть.

– Когда я спрашиваю, нужно отвечать. Ты меня понял? – спросил я.

– Да, господин, – ответил он. Струйка крови побежала по его подбородку из разбитой губы.

– Где Хьюто, Мирабель и Дженс?

Он молча сглотнул. Я дал ему ещё одну пощёчину, подхватил падающее тело и встряхнул.

– Отвечай или я прикажу повесить всех вас, а поместье предам огню.

– Да уехали они все трое, поутру, – раздался голос из толпы связанных.

Я оттолкнул управляющего и взглянул на сказавшего эту фразу кузнеца. Тот самый, который чуть не пришиб Галлия бочонком.

– Куда уехали? – спросил я.

– Не говорили никому, – кузнец пожал плечами, – но скорее всего в старый замок. Они туда часто таскаются.

Я взглянул на сержанта.

– Замок, в котором бароны раньше жили. До запрета на постройку укреплений. Теперь он пустует. Миль десять отсюда, на юг, по заброшенной дороге, – ответил он.

– Ещё кто-то хочет что-то добавить? – спросил я. – Учтите, если мне придётся возвращаться сюда, хорошего для вас в этом ничего не будет.

Люди молчали. Я продолжил:

– Теперь по поводу вашей вины. Сопротивление представителям власти и вооружённое нападение на нас. За это полагается от десяти лет исправительных работ до смертной казни. Я имею право судить вас и приводить приговор в исполнение. Начнём прямо сейчас. Что скажете в свое оправдание?

Они продолжали молчать. Я подождал около минуты.

– Что нет желающих? Тогда я сам приведу смягчающие обстоятельства. Вас ввели в заблуждение, заставив поверить в то, что я монстр и хочу вас убить. Это раз. Во-вторых, с натяжкой, но можно сказать, что вы добровольно сложили оружие. Так что обойдёмся без казни и исправительных работ.

Я повернулся к сержанту.

– Пятнадцать палок всем кто держал оружие, кроме тяжелораненых.

Сержант улыбнулся от уха до уха. Толпа загудела, два или три человека начали подыматься.

– Сидеть! – крикнул я, и толпа сразу притихла. – Вас накажут и вы будете благодарны за это. Каждый, получив пятнадцать палок, скажет спасибо сержанту. Кто окажет сопротивление или не поблагодарит, будет казнён на месте. Сержант, выполняйте.

Он подобрал с земли вилы, отрубил мечом железную часть и подошёл ко мне, постукивая палкой по поножам. Возле левого наколенника темнело пятно засохшей крови. Кто-то ранил его в ногу через щели между пластинами. Его лицо выражало удовлетворение. Боялся, что я отпущу их ненаказанными? Или радовался, что никого не казнили?

– С кого начинать? – он плотоядно обвёл толпу взглядом.

– С управляющего. Только смотри, никого не забей до смерти, – сказал я.

– Пятнадцать палок? Да это детский лепет. Я раз получил двадцать и уже вечером пил пиво.

Вместе с Гусом они подняли управляющего и привязали его за руки к балке, торчащей из стены конюшни.

– Закончите здесь и езжайте в город. Я поеду в замок, – сказал я и пошёл к воротам.

За моей спиной раздался первый удар и крик управляющего. Я не обернулся. Мне нужно спешить. Сержант справится сам, я уверен в этом, а тройка молодых магов может ускользнуть. Я подошёл к своей лошади, отвязал её от ворот и запрыгнул в седло. Повозка стояла метрах в пятидесяти от дороги, обе лошади были в упряжи, раненная уже успокоилась.

Я поехал в замок. Спустившись с холма, я нашёл дорогу на юг. Коллеи заросли травой, телега вряд ли прошла бы, но для лошади сгодится. Минут через десять я пересёк речку по старому каменному мосту. По обеим сторонам дороги тянулись поля. В эту пору на них нечего делать, поэтому было безлюдно. Время близилось к обеду. Начало припекать солнце. Удивительно тёплая погода для такого времени года.

Спустя ещё около часа я доскакал до замка. Если его покинули после запрета, то он пустует уже полторы сотни лет. Пятнадцатиметровые стены заросли мохом, кое-где они уже довольно сильно разрушились. Рва почти не осталось, так, заваленная мусором и землёй полу-метровая впадина перед стенами. Подвесной мост развалился, его остатки торчали как гнилые зубы.

Через ров, справа от моста, вела тропинка и уходила в пролом стены. Сюда частенько кто-то ходил, тропинка довольно широкая и хорошо утоптана. Я спешился, взял коня под уздцы и прошел тропинкой во внутренний двор замка.

Внутри царило ещё большее запустение. Сам замок разрушился сильнее стен, из четырёх башен осталась только одна, тропинка вела к её входу. Я привязал коня к искривлённому деревцу, сумевшему прорасти через камни, и пошёл дальше.

Возле башни я обнаружил свежий лошадиный помёт. Я обошёл вокруг и нашёл место, где привязывали лошадей. Судя по количеству следов, здесь часто бывали люди. Сегодня и раньше. Много людей и лошадей. Но сейчас никого не было. Я вернулся ко входу в башню и вошёл внутрь.

Просторная комната и лестница наверх. Отсутствие пыли. Здесь убирались. Я поднялся на второй этаж. Комната-близнец предыдущей, с той лишь разницей, что на полу лежало несколько мешков. Я порылся в них – во всех мешках белые балахоны, двенадцать штук. Я поднялся на последний, третий этаж. Никого.

Комната была тех же размеров, что и предыдущая, но обстановка сильно отличалась. Лавочки под стенами, непонятное сооружение в центре, напоминающее каменную тумбу, стены, пол и даже потолок расписаны какими-то странными рисунками.

Я стал рассматривать эти рисунки. Завитушки, геометрические узоры, несколько грубо исполненных человеческих, и не очень, фигур. Наверняка у Умника полно информации о местной религии, той, которая была здесь до установления Единой веры. Может тут поклонялись древним богам? Умник начал что-то бубнить, но мне пришлось подавить его присутствие. Не время.

Я подошёл к тумбе. Похожа на алтарь – углубление в центре верхней плиты, запах гари, остатки чьих-то волос, пятна засохшей крови. Тут совсем недавно приносили жертвоприношение. На краю алтаря лежала сложенная вчетверо бумажка. Я взял её, развернул и прочитал: «Если хочешь найти этих троих, приходи сегодня вечером в пятый дом на Третью улицу. Один.»

Я положил записку в карман, вышел из башни, покинул замок и поехал назад, в город. Проехал мимо баронской усадьбы, заезжать внутрь не стал. До темноты всего три часа, а мне ещё нужно успеть на встречу с автором записки. По дороге я так и не встретил повозку. Значит легионеры всё ещё в поместье.

Почти стемнело, когда я добрался до Приграничного Посёлка. В домах уже начали зажигать свет. Первый встречный, паренёк лет шестнадцати, указал мне путь к Третьей улице. Совсем рядом. Соваться ли мне туда одному? А что делать. Ждать легионеров или искать префекта и просить дать людей – нет времени.

Я подъехал к нужному дому. Старый, деревянный, двухэтажный, без привычного заборчика вокруг. Никаких признаков жизни в тёмных окнах. Есть там кто-то или нет? Что меня ждёт внутри, засада? Чёрт, так можно гадать до бесконечности. Я оглянулся по сторонам – никого, пустая улица. Вытянул из ножен палаш, открыл дверь и вошёл внутрь.

Глава 6.

Пустая прихожая, несколько пар обуви, серый плащ на стене, дверь, ведущая дальше в дом. Я прислушался, за стеной чьи-то тихие голоса. Мужской, потом женский, снова мужской. Слов не разобрать. Женский похож на голос Мирабель.

Ну что ж, мой выход. Я ударил ногой в дверь с такой силой, что она слетела с петель и упала внутрь, и ворвался в комнату. Большое помещение, занимавшее почти весь первый этаж. Посредине стол, вокруг валяются четыре перевёрнутых стула. На полу, спинами к ножкам стола, сидели два парня и девушка. Хьюто, Дженс и Мирабель. Ну, наконец-то.

Все трое смотрели на меня.

– Не убивайте нас, – сказала Мирабель, и слёзы потекли по её щекам. Парни молчали.

Я подошёл ближе. Их ноги были связаны верёвкой. Я заглянул за спину каждому. Руки тоже и вдобавок привязаны к ножкам стола. Кто-то выложил мне подарок на блюдечке. Интересно кто?

– И кто же это вас так спеленал? – спросил я.

– Учитель, – ответил Дженс, – плевок старый. Я знал, что этому козлу нельзя доверять. Послушались бы меня, ехали бы сейчас в Претон, за сто миль отсюда. Идиоты. «Учитель нас спасёт, он поможет», – придурки, тьфу, – он сплюнул на пол.

Мирабель рыдала, Хьюто молча уставился в пол. Я поставил один из стульев на ножки и сел. Палаш положил на колени.

– Что за учитель? – спросил я.

– Идите сами и посмотрите, он ждёт вас на втором этаже, – сказал Дженс.

Я вскочил на ноги. Дженс с перепугу дернулся и ударился затылком об ножку стола. Сжимая меч в руке, я поднялся на второй этаж. Судя по обстановке, чья-то спальня. Кровать, шкафы, полки с книгами на стенах. На полу красовалась большая пентаграмма, частично скрытая старым ковром. Стараясь не шуметь, я прошёл по комнате и подошёл к двери между двумя шкафами. Прислушался. Тишина.

Я открыл дверь. Комната с голыми стенами, светильник под потолком, стол возле дальней стены, два стула. На одном из них, положив локти на стол и опершись подбородком на кулаки, сидел мужчина. Лицо с резкими чертами, седина возле висков, лет сорок пять – пятьдесят, если бы он был простым человеком. Он им не был. Антимаг. Такой же, как я.

Он улыбнулся и сказал:

– Ну, вот и ты, юноша, присаживайся.

Сказать, что я не удивился – не сказать ничего. Я, скорее, готов был увидеть здесь Чёрного в балетной пачке, чем его. Чёрт возьми, антимаг! Я не ошибся, хоть мы и не можем чувствовать друг друга. Я стоял в дверном проёме и пытался придумать хоть какое-то объяснение этому. Вариантов не было.

Он положил руки на стол и снова улыбнулся:

– Нет, нет, ты не ошибся. Я именно тот, кого ты искал. Присаживайся. Мне многое стоит рассказать тебе. Поверь, сам факт моего присутствия здесь – ничто, по сравнению с тем, что я тебе сейчас расскажу.

– Для начала, всё же объясните своё присутствие здесь, – я подошёл к столу, отодвинул второй стул и сел напротив него.

– Для начала повторюсь – ты не ошибся. Это не какая-нибудь проверка Академии или Чёрной Канцелярии и не случайное совпадение. Я действительно тот, кто стоит за всем этим. Как тебе такое?

– Вы антимаг.

– Ну, конечно. Мы где-то уже встречались? Хотя с некоторых пор я себя таковым не считаю. Антимаг. Человек, который сам не обладает магическим началом, или как мы его называем – искажением, и может подавлять магические способности других. Шаблон, который придумали в Академии. Вас выпускают оттуда одинаковыми, сделанными под один трафарет, как золотые империалы из-под одного пресса. И тщательно скрывают от вас правду. По сути, чуть ли не половина обучения в Академии направлена на это. Вбить в ваше сознание заведомо ложные идеи.

Он откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Его лицо излучало самодовольство. Он ждал моей реакции. А ведь я его точно где-то видел, то ли в Академии, то ли ещё где. Крупный нос, напоминающий клюв хищной птицы, серые глаза. Тогда у него ещё не было седины. Вспомнил.

– Альтар се Лоур, Страж Императорского караула, погиб пять лет назад при нападении на Императора в лесу Саара. Да вы же мёртвый герой, павший защищая своей грудью Императора, – я изобразил удивление на лице и шумно вдохнул воздух, – только что-то я не чую запаха тлена.

– Не такой уж и герой и совсем не мёртвый, как видишь, – он перестал улыбаться. Вот и хорошо, мне уже надоела его улыбка.

Бывший Страж, он сидел и смотрел на меня. Почему я тяну? Мне стало интересно. Возможно, он врёт и пытается отвлечь меня. Выбирает момент для нападения. Но всё же я послушаю, что он расскажет.

Он снова откинулся на спинку стула и закрыл глаза:

– Ладно, я начну сначала. Нет, не с моего рождения, не с момента, когда меня нашли и забрали в Академию. Про саму Академию я вообще промолчу. Станок для производства безмозглых антимагов, кузница для клинков Императора, верных и слепых. И жизнь после Академии тоже не стоит воспоминаний. Самое интересное началось в том лесу, – он открыл глаза и снова улыбнулся:

– Засада была по всем правилам. Кто-то наверняка предал, я не знаю кто. Лес Саара. Возле столицы, в самом сердце Империи. Кто бы мог подумать? Но та охота перевернула всю мою жизнь. И твою тоже. Ты этого ещё не осознаёшь, но пути назад нет. С того момента, как ты вошёл в эту дверь, пути назад нет.

– Вы мне напоминаете ярмарочных предсказателей, тоже всё знаете наперёд. Но вы меня заинтересовали, – я тронул рукоятку Исполнителя, которая торчала у меня за левым плечом, – когда закончите, придёт его черёд.

– Самоуверенность молодости, вот чего мне не хватает. Заинтересовал тебя? Хорошо, большего мне пока и не надо. Слушай.

В тот день Император собирался поохотиться в долине Аатона. Чтобы добраться до неё, нам нужно было проехать по дороге, которая опоясывает гору Рон. Хорошая, широкая дорога, выходит из леса, проходит по склону горы и спускается в долину. С Императором в тот день отправились шестеро Стражей-преторианцев, в том числе и я, два адъютанта и восемь егерей. Мы начали подниматься в гору и, вдруг, Император остановил нас. В тот же момент со склона горы на дорогу обрушилась лавина.

Камни раздавили двух егерей вместе с лошадьми, ещё одну лошадь сбили вниз, но Орин, один из Стражей, успел спрыгнуть с неё. Я был впереди колонны и оказался отрезан от остального отряда вместе с Орином и ещё одним егерем. Император и оставшиеся люди развернулись и поскакали назад в лес. И тут появились они.

Два отряда, один из-за камней на горе, прямо над осыпью, второй из леса, отрезая Императору отход. В первом отряде было человек двадцать в лёгких доспехах и шесть тварей, похожих на огромных шестиногих ящериц. Во втором отряде были всадники в тяжёлых доспехах,

два мага и те же двухметровые ящерицы. Первый отряд разделился, шесть человек и две твари побежали в мою сторону, остальные к Императору.

Я не буду описывать в подробностях весь бой, тем более, что ту его часть, которая происходила за насыпью камней, я пропустил. Их было гораздо больше, но Стражи есть Стражи, каждый из нас стоил их десятка, маги были бесполезны, пока на ногах оставался хоть один антимаг. Перевес в их сторону сделали твари. Очень быстрые, покрытые прочной чешуёй и вооружённые длинными когтями и зубами.

На нас троих пришлось всего два ящера и шесть пехотинцев. Один из ящеров прыгнул метров на шесть, сбил егеря с лошади и начал рвать его на части. Орин перепрыгнул через упавшую лошадь и пригвоздил тварь к земле, пробив её насквозь одним ударом. Второй ящер вцепился Орину в бок, оторвал его от земли и начал мотать головой из стороны в сторону, как собака. Я подскочил на лошади и ударом сверху вниз отрубил твари голову. Голова вместе с Орином упала на землю, челюсти так и не разжались. Затем набежали шестеро пехотинцев. Они были профессионалами, но я Страж со столетним опытом и я сидел на боевом коне. Я убил их всех, только один успел ранить меня в левую ногу, а второй добил Орина. Здесь всё было кончено.

Я спешился и полез через насыпь. Когда я добрался до её вершины, то смог увидеть что происходило там, внизу. Наш отряд успел проскакать около ста метров, когда столкнулся со второй группой засады. Пока мы сражались здесь, там тоже было почти всё кончено. Почти. Я успел на самую интересную часть. Я лежал на насыпи из камней и увидел то, чего не должен был видеть. То, во что я до сих пор верю с трудом. Каждое утро я просыпаюсь и думаю, не приснилось ли мне всё это?

Бой произошёл на опушке леса. Император, четверо Стражей, два адъютанта и пять егерей столкнулись с тремя десятками тяжёлой конницы, полутора десятком пехотинцев и десятком тварей. Два мага стояли в стороне, не имея возможности применить свои способности до того, пока на ногах оставался хоть один Страж.

Когда я взобрался на насыпь, с нашей стороны на ногах осталось двоё – Император и Рико, его адъютант. Оба уже без лошадей, перемазанные своей и чужой кровью. Император стоял ко мне спиной, Рико прикрывал его сзади. В метре от них сидел Нетлах, глава Караула.левой рукой он зажимал рану на животе, в правой держал меч. Со стороны нападающих остались семь всадников, четверо пеших и два мага. Все ящеры были мертвы.

Один из магов понял, что Стражей больше нет, полуживого Нетлаха можно было в расчёт не брать. Пришло их время. Он прокричал какую-то команду и конные вместе с пешими бросились враспынную, освободив пространство между магами и Императором. Оба мага вскинули руки, готовя мощное заклинание. Даже я почувствовал искажение, а до меня было не близко. А затем кто-то заблокировал их магию и обратил её против них. Они вспыхнули как два факела.

Та картина до сих пор стоит перед моими глазами. Два мага сгорают заживо, Нетлах сидит и смотрит то на них, то на Императора, Рико, конники, пешие – у всех удивление на лице. У всех кроме Императора. Это сделал он.

Император такой же антимаг как и ты. Он намного больше чем антимаг. Все эти столетия на троне он скрывал это, ибо нас ненавидят и терпят лишь из страха перед законами Империи. Но Император и есть Империя. Он её создал и скорее всего вместе с ним она и умрёт. Дико? Конечно. У тебя сейчас в голове кавардак, я уверен. Но когда ты придёшь в себя, я докажу тебе. И ты поймёшь, что это правда.

Нет, нет. Не перебивай меня. История не закончена. Дай мне ещё немного времени. Концовка стоит этого. Поверь мне.

Маги догорали, остальные приходили в себя, когда Император отбросил меч и оглядел всё вокруг. Я вжался в камни. Не знаю, почему я так сделал, но это спасло мне жизнь. Он меня не заметил. Через мгновение на меня накатило непонятное ощущение, как будто мне

сдавливали голову в тисках. Я услышал крики и выглянул. Все, кроме Императора и Нетлаха, катались по земле и кричали. Глава Караула удивлённо оглядывался вокруг.

Император поднял меч. Двигался он медленно, видимо, большая часть его внимания уходила на поддержания этой ауры. Он подошел к Нетлаху и нанёс ему удар прямо в сердце. Вытянул меч. Подошел к Рико, который уткнулся лицом в землю и скрёб её руками. Ударил его мечом в спину. Затем, всё так же неторопливо, двинулся дальше. Он убивал свидетелей.

Я скатился с камней по другую сторону насыпи. Нужно было спастись. Если Император найдёт меня здесь – убьёт. Если не найдёт сейчас, меня найдут позже и всё равно убьют. Мелькнула мысль – а что если я убью его? Совершенно безумно. Что делать? В голове чехарда, да ещё эта аура. На меня она почти не действовала, но ощущение всё равно поганое.

У меня появился план. Я выбрал самый подходящий труп и стянул с него доспехи и одежду. Разделся сам догола, снял медальон, перстни и натянул всё на труп. Давящее ощущение в голове подгоняло меня. Это были гонки со смертью. Как только это ощущение пройдёт – значит, Император закончил там, на опушке, и идёт сюда.

Я перенёс переодетый труп к телу Орина. Рядом лежал ещё один мёртвый пехотинец. Я взял его меч, отрубил голову наряженного мной трупа и рассёк ему левую ногу, в том месте, куда был ранен я. Затем вложил меч в руку пехотинца. Меч Орина всё ещё был зажат в его руке.

Солдат отрубил мне голову, Орин убил его и умер от полученных ран. Примитивно, конечно, но ничего другого мне в голову не пришло. Куда делась голова? Скатилась с дороги вниз. Я подумал немного и подвинул тела ближе к краю дороги. Император вряд ли заметил, сколько было чужаков, а серьёзное расследование ему не на руку. Если здесь начнут лазить ищейки, возникнет слишком много вопросов.

Я начал натягивать на себя чужую одежду и тут давление исчезло. Времени не оставалось. Я схватил остатки доспехов, меч, голову и побежал по дороге. Кир, мой боевой конь, потрусил следом за мной. Я развернулся и ударил его кулаком по ноздрям. Он заржал от обиды и боли и поскакал в сторону насыпи. Добежав до поворота дороги, я на мгновение оглянулся – Императора всё ещё не было. Так закончилась для меня служба Стража и моя старая жизнь. Не знаю, поверил ли Император в мою смерть, но, по крайней мере, официально меня объявили мёртвым.

Что было далее, расскажу кратко. Я передвигался ночами, уходя всё дальше от столицы, леса Саара и горы Рон. Днём я отсыпался. И всё время размышлял. Было о чём. Во-первых, что делать дальше? Антимаг слишком заметен. Люди чувствуют наше присутствие. Бежать за границу? Я буду ещё более заметной птицей, да и антимагов там попросту убивают.

Ещё больше мои мысли занимал Император. Он был антимагом, это бесспорно. То, что он сделал с этими двумя магами, можем делать только мы. Но эта аура, для себя я её называл аурой боли, корчившиеся люди на земле, давление в моей голове? Такого антимага не делали никогда.

Наконец я забрёл в Пустошь Отшельников. Местность в двухстах милях отсюда, болотистая и безлюдная. Единственным отшельником был я, других не нашёл. Там я прожил два года. Как? Рассказывать не буду. Моё лицо заросло бородой, кожу выдубило солнце и ветер. Я рассматривал своё отражение в воде и не узнавал себя. Бороду я сбрил только сегодня утром, иначе ты не узнал бы меня. Но не это главное. Я разучился быть антимагом.

Именно, разучился. В Академии нас учат, развивают наши способности, делают из нас совершенные механизмы. Мы как часы, сделанные хорошим мастером. Но потом в этот механизм вбивают клин, наши стрелки застывают навсегда. Антимаги это сломанные часы. Зачем это делают? Ответ прост – так выгодно Империи. Все ненавидят нас и боятся. Нам некуда деваться, единственный наш путь – служение трону. Мы не можем жить в обществе, мы можем быть только псами Императора, верными и безжалостными.

На болотах у меня было очень много времени. Я не потратил его впустую. Помнишь тренировки воли вначале обучения? Забыть обо всём, почувствовать потоки энергии вокруг себя, внутри себя. Потом нас ловко убеждали, что этой энергии не существует, что это нужно для концентрации, чтобы поймать Фокус и так далее. Ложь. Она есть. Маги используют её, чтобы создавать заклинания. Вначале своих исследований я думал, что мы тоже так можем. Что рассказы об искажении, которое есть у всех кроме нас – тоже ложь. Я ошибался. Два года проведённые в этом городке убедили меня в том, что мы всё-таки отличаемся.

Маги используют эту энергию, чтобы изменять окружающий мир. Мы можем использовать её, чтобы влиять на людей. И на самих себя в том числе. Вот откуда наша сила, скорость, долголетие. Вот как мы можем разглаживать искажения, блокировать заклинания, накладывать Безмолвие. Тогда, на болотах, я этого ещё не понял. Но я смог вновь почувствовать эту энергию. Я не знаю, что она собой представляет, объяснение этого – работа для философов.

То, что излучают антимаги, я назвал аурой подавления. Люди рядом с вами чувствуют себя угнетёнными, долгое присутствие рядом – болезнь и даже смерть. Кстати, ты никогда не задавался вопросом, почему Император не болеет и не умирает? Ведь рядом с ним постоянно находятся Стражи. Ответ ты уже знаешь, но почему никто не задавался этим вопросом раньше? Подобных несоответствий множество. Сложившийся за пять с половиной столетий порядок уже воспринимается как должное. Все давно привыкли. Остальных убили так же, как и тех несчастных в лесу.

В Пустоши я развеял эту ауру. Ты удивлён? Ты думал, что это невозможно? Чушь. Я смог избавиться от неё. Иначе как бы я смог прожить здесь почти два года незамеченным? Я избавился от ауры и покинул Пустошь Отшельников.

Тогда я думал, что смогу стать могущественным магом. Ведь я знал то, что не знал никто. Ну, кроме Императора, естественно. Я добрался до Приграничного Посёлка. Здесь я создал это тайное общество. Тени Прошлого. И смех и грех. Я использовал свои новые знания и помог этим детям развить магические способности, а сам изучал их. Они радовались как щенки. Ты ведь заметил, насколько они могущественны? За эти два года они достигли больше, чем многие маги за всю жизнь.

Но у самого меня ничего не получалось. Я понял свою ошибку – мы всё-таки другие. Не скажу, что это время было потраченное впустую. Магом я не стал, но всё равно продвинулся очень далеко. Я много чему научился. Влиять на эмоции, вызывать страх, радость, уныние, усыплять усилием воли. Антимаги умеют лишь подавлять чужую магию, я же научился её усиливать.

Для этих сопляков я выступал в роли мудреца, делился с ними якобы древними и забытыми знаниями. Они мне слепо верили. Их мощь росла и они становились слишком заметными. Я понял, насколько это опасно, когда Хьюто сжег дом своего отца. Ещё чуть-чуть и сюда приехал бы кто-то из Канцелярии. Что и случилось. Я не успел всего на пару декад.

Что было делать? Просто уехать я не мог. Детки были слишком пьяны от приобретённого могущества. Они могли натворить дел, а попав в ваши застенки, сдали бы меня. Убить их всех вместе? Это не было моральной проблемой для меня, но слишком заметно. Тогда я стал избавляться от них по одному, попутно вешая им на уши разные глупости. Того мол я отправил совершенствоваться в горы, того за древним артефактом, того ещё куда-то. Благо мои новые способности позволяли мне внушать им что угодно.

Их осталось трое, когда приехал ты. Сейчас они лежат внизу, живые или мёртвые, но вопрос не в них. В тебе. Я дам тебе немного времени, чтобы ты мог перевернуть мой рассказ. Когда будешь готов – скажи.

Он опять откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и закрыл глаза. А я ведь могу выхватить меч и снести ему голову, прежде чем он их откроет. Показывает, что доверяет мне или он настолько уверен в своих силах?

Ладно, Умник, твой черёд. Мир сдвинулся и я вошёл в Образ. Почти целая минута головоломного напряжения. Адская головная боль. Лекарь нетерпеливо вытеснил Умника и начал латать осколки измученного разума. Полегчало. Альтар всё так же сидел с закрытыми глазами.

Вопрос номер один: верить его рассказу или нет? Если нет, то, как он выжил у подножия горы? Как жил в этом городе и никто не понял что он антимаг? И как, чёрт возьми, Император не умирает при такой куче Стражей вокруг себя? Почему мне не приходил в голову этот вопрос раньше? Выводы Умника были однозначными – верить.

Нет, похоже, по поводу Императора всё правда. Чем больше я думал об этом, тем больше понимал. Он на имперском троне пять с половиной столетий. А так долго живут только высшие маги и мы. Ещё ни один не умер от старости. Но хоть раз Император был замечен за магией? И если бы он был таким как мы, это бы уже давно заметили. Даже собаки нас чувствуют. И так далее, и так далее. Целый рой подобных мыслей, вызванных к жизни Умником, жужжал у меня в голове. Ладно.

Вопрос номер два: зачем он мне всё это рассказал? Почему не попытался убить сразу? Опять же, благодаря Образу, ответ очевиден. Если убьёт меня, сюда приедут новые следователи и начнут рыть ещё серьёзней. Нет, я ему нужен как союзник. Наверняка предложит стать его сообщником, а взамен предложит свои знания и всё такое.

Вопрос номер три: что мне делать? Тут Умник мне не советник, решения принимаю я сам, хотя ему всегда хочется поучаствовать. Только решение очевидное. И не простое. Мне снова нужен Образ Лекаря.

Я сидел и делал вид что размышляю. Тем временем Лекарь перекраивал меня как портной старый костюм. Сердцебиение начало ускоряться, адреналин в кровь, дыхание стало глубже и чаще. Органы чувств обострились до предела, я стал слышать, как моё собственное сердце колотит об грудную клетку и кровь шумит в ушах. Всё тело постепенно раскручивалось как волчок. Я становился быстрее, сильнее, выносливее.

Альтару надоело сидеть с закрытыми глазами, теперь он пристально разглядывал меня, словно пытался прочитать мои мысли. Или он их читал? Нет, вряд ли. Я же всё-таки антимаг. Так прошло ещё минут пять. Всё, можно послушать, что он предложит, хотя я и так знаю.

– Ну и что вы хотите мне предложить?

– Свой выбор я сделал, как ты наверняка уже понял. Я предлагаю тебе свои знания и свою дружбу. Вместе, мой мальчик, мы можем далеко зайти. Путь будет тяжёлый, но в конце нас может ждать награда, о которой многие и не мечтают. Что скажешь? – он подобрал ноги под себя и наклонился вперёд, сверля меня взглядом.

Я откинулся на спинку стула и сложил руки на груди.

– Что скажу? Теперь мне нужно сделать выбор. Я могу арестовать вас или убить при задержании, составить правдивый отчёт и с ним уехать в Крайкану. Но этот вариант мне не нравится. Если вы рассказали правду, а очень на то похоже, то в столице меня уберут, как только отчёт попадёт в руки Императору. А я уверен, он попадёт к нему с умопомрачительной скоростью.

Он улыбнулся и почесал нос кончиком пальца.

– Я не сомневался в твоих умственных способностях, мой мальчик.

– Перестаньте называть меня своим мальчиком. Может против вас и мальчик, но пока не ваш. Предположим, я приму ваше предложение. Тогда мне придётся помочь вам скрыть улики и подделать отчёт о расследовании. Я поеду в столицу, вы туда поехать не сможете. Мы разделимся. Каждый из нас будет представлять угрозу друг для друга. Если поймают одного – другому тоже конец. Вот я сижу и думаю, а не собираетесь ли вы прикончить меня после того как я покрою все ваши делишки? – я тоже подобрал ноги под себя, положил руки на колени и наклонился вперёд.

Он поднял руки ладонями вперёд.

– Я не такой уж и злодей, обстоятельства вынуждали поступать меня так, – он опустил руки, – ты нужен мне не только как прикрытие, но и как помощник, соратник. Пять лет я один и мне не хочется оставаться одному дальше.

– Есть и третий вариант.

Я толкнул свой край стола снизу вверх обеими руками. Реакция бывшего Стража оказалась на высоте. Он успел выставить руки перед собой, прежде чем столешница врезалась ему в лицо. Затем Альтар толкнул его в мою сторону, но я уже успел встать и отскочил назад. Стол перевернулся пару раз и упал на бок передо мной. Он встал со стула, сделал вращательное движение правой кистью, разминая связки, и вытянул свой клинок. Кавалеристская сабля, полегче моего палаша, но примерно такой же длины.

Альтар се Лоур больше не улыбался. Глаза прищурены, челюсти сжаты, желваки то появлялись, то исчезали на них.

– Итак, какой же это вариант? – он приподнял левую бровь.

Я достал свой клинок, провёл пальцем левой руки по стали и щёлкнул ногтём по острию.

– Я убиваю вас, уничтожаю все улики, пишу ложь в отчёте и как ни в чём не бывало еду назад в Крайкану. Есть недостаток, я так и не узнаю, чему бы вы могли меня научить. Зато останусь жив. Иначе либо вы попадёте и сдадите меня, либо вы же меня и убьёте. Ради своей безопасности. Как всех этих магов.

– Да, неплохой вариант. Правда есть одно НО. Я Страж, а ты судья. Мне сто сорок два года, а тебе сколько? Нет и тридцати. Я всю жизнь сражался, а ты зубрил параграфы. Почему ты решил, что убьёшь меня?

Давненько он не был в столице. Последние два года я выигрывал Кубок клинка и побеждал там и Стражей и мастеров школ. Всех. В последнем финале надрал зад самому Суэйну, нынешнему главе Императорского Караула. Многие тогда выиграли целые состояния на ставках. А судьёй я стал, потому что не хотел всю жизнь быть тупым воякой. Стражи, тоже мне. Ну да ладно, ему это знать не обязательно. Пусть верит в лёгкую победу.

Я ухмыльнулся:

– Смерть сейчас или потом. И так и так – риск. Но если я не убью вас сейчас, то стану пассивным игроком. А я люблю сам сдавать карты.

Настало время Мастера. Я толкнул ногой стол, противник отпрыгнул в сторону и нанёс мне колющий удар в левое плечо. Я сместился вправо и чуть назад. Его остриё не достало сантиметров двадцать. Пошло поехало. Он атаковал, а я ушёл в глухую оборону, лишь изредка контратакуя.

За его плечами сотни поединков, а я никогда не видел, как он фехтует. С серьёзными противниками я сражался лишь на турнирах и тренировках, и всегда их изучал заранее. Он сражался везде, где только можно, и привык ожидать от противников любой хитрости. Мне нужно было изучить его, поэтому я не спешил. Я выигрывал у него в скорости и реакции, но он с лихвой компенсировал это опытом и техникой.

Мы кружили по комнате, звеня сталью и рисуя в воздухе сложные узоры. Альтар фехтовал в стойке Южной школы, предпочитая колющие удары. Для саблиста немного странновато, хотя изогнутое лезвие и давало ему возможность неожиданно менять направление удара. Но я быстро привык и блокировал его выпады в начале движения, не давая ему изменить траекторию в конце.

Раз я чуть не попался. Бывший Страж поймал меня на сложный финт. Он сделал ложный выпад в правую ногу, а когда я начал движение, чтобы заблокировать его клинок, ударил остриём своего клинка по моему палашу и сразу нанёс колющий удар в живот. Меня спасла хорошая реакция. Я отпрянул назад и сабля лишь едва меня кольнула.

– Первая кровь, – он отступил на два шага и отсалютовал мне, – может хватит? Убивать тебя мне не хочется.

Я молча продолжил поединок. В Образе Мастера я неразговорчив. Незачем тратить дыхание попусту. Старый чёрт наверняка знает ещё много чего, чему меня не учили в Академии. Он уже понял, что я не простой соперник, но никаких сюрпризов у меня для него нет. Или есть? Надо что-то делать. Иначе следующий финт может быть поудачнее. В голове у меня сложился неплохой план. Точнее это был план Мастера. Сам бы я вряд ли стал так рисковать. Но я был не я. Я был холодным и расчётливым Мастером.

Пришлось перейти из обороны в нападение. Я стал наносить рубящие, короткие удары в бешеном темпе, стараясь не давать ему времени на атаку. Рубя справа налево, я специально придерживал руку в конце, открывая на доли секунды правую сторону. Он заметил это и дважды нанёс уколы в правое предплечье. Второй раз сделал это так быстро, что я не успел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.